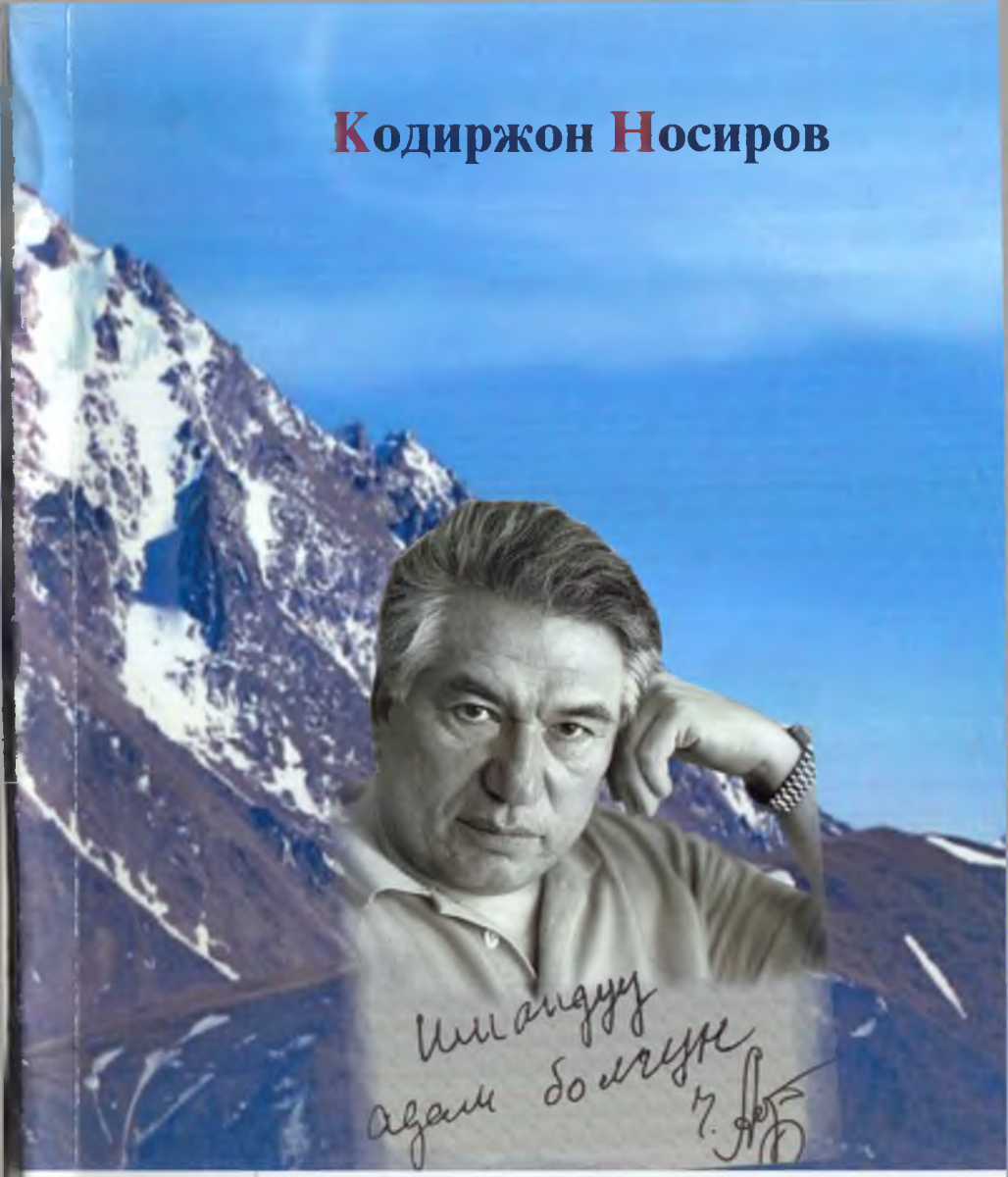
Кодиржон Носиров



Манас и Айтматов

Кодиржон НОСИРОВ

МАНАС
И
АЙТМАТОВ

СТАТЬИ

Наманган - 2019

Ответсивенный редактор: **А.Мелибоев, член международной академии имени Чингиза Айтматова**

Рецензент: С.С. Сайдалиев, профессор НамГУ,

Статьи, включённые в настоящий сборник, написаны в разные годы, некоторые из них в связи с юбилейными датами Ч. Айтматова. На основе таких популярных произведений писателя, как «Джамиля», «Тополёк…», «Прощай, Гульсары», «Белый пароход», «Буранный полустанок», «Плаха», «Тавро Кассандры» и др., автор размышляет об актуальных во все времена социально-нравственных проблемах. При этом он (литературовед, профессор кафедры русского языка и литературы), будучи благонамеренным педагогом, идейно-художественные особенности анализируемых произведений чаще всего увязывает с задачами нравственного воспитания молодёжи.

Раскрывая мастерство писателя в изображении извечной борьбы между добром и злом, автор приходит к мысли о том, что лейтмотив основных произведений Ч. Айтматова лаконично выражен в словах, оставленных некогда всемирно известным писателем в Ташкенте в качестве автографа одному молодому человеку: **«Имандуу адам болгун».** Иман – это вера, честь и совесть. Именно эти слова характеризуют положительных героев писателя. И автограф этот находится в Намангане (Узбекистан).

В статьях затронуты и некоторые проблемы перевода произведений Ч.Айтматова на узбекский язык, литературных взаимосвязей.

Рекомендовано к печати научно-техническим советом НамГУ от 10.06.2019 г. (протокол № 6).

© Кодиржон Носиров, 2019

27|457

ВВЕДЕНИЕ

В 1995 я написал свою первую статью о Чингизе Айтматове. Точнее говоря, это было не о нём, а об эпосе «Манас», к его 1000-летию, и статья называлась «Манас Великий». Однако в завершении её я неожиданно даже для самого себя заговорил об очерке Чингиза Айтматова «Снега на Манас-Ата», о героях писателя как духовных потомках, продолжателях великих свершений эпического богатыря. Я, естественно, не думал тогда, что когда-нибудь мне доведётся составлять сборник своих статей о Великом писателе братского киргизского народа, и при этом захочу первой включить в это издание именно статью «Манас Великий», и назвать книгу «Манас и Айтматов».

С тех пор об Айтматове мною написано и опубликовано более 30 статей, пятнадцать из которых включил в настоящий сборник. Часть из них посвящена юбилейным датам писателя, которые в Наманганской области отмечались всегда по моей инициативе. Ещё следует сказать, что и те, и другие мои статьи о Чингизе Айтматове – это, прежде всего, знак моей любви к творчеству великого писателя; в то же время в немалой степени они продиктованы моими профессиональными интересами и функциями. Дело в том, что я длительное время в вузе вёл предмет «Литература народов СССР» (в настоящее время - стран СНГ). В плане этого курса я, в нарушение критерия равномерного распределения бюджета времени по национальным литературам, творчеству Чингиза Айтматова всегда уделял больше часов за счёт иных «официальных» классиков советской литературы. При этом был твёрдо уверен, что такой риск оправдан. Более того, по моей инициативе был введён спецкурс «Идейно-эстетическое своеобразие произведений Чингиза Айтматова». Так я в течение нескольких лет имел возможность по двадцать часов в учебном году рассказывать о творчестве того, кого впоследствии назовут великим писателем.

Статьи в сборнике расположены в хронологической последовательности. В них я пытаюсь выразить свою точку зрения по той или иной актуальной проблеме, поднимаемой в произведениях писателя («Мелодия любви», «Трагическая безысходность и добродетель», «Молитва как художественное средство»), раскрыть тот духовный заряд, который заложен в произведениях Айтматова («Заветы отцов – основа духовного воспитания ребёнка», «Имандуу адам» Чингиза Айтматова»), и что можно было бы использовать с целью воспитания молодёжи. В статьях в определённой степени освещается и вопрос «Ч. Айтматов и Узбекистан» (отношение писателя к нашей культуре, проблемы перевода его произведений на узбекский язык и др.).

Мои статьи – это скромный вклад в дело пропаганды творчества Ч. Айтматова среди узбекских читателей. Уверен, что попить из неиссякаемого духовно-целительного источника по имени «Чингиз Айтматов» жизненно необходимо каждому из нас так же, как и приобщение к великим духовным ценностям, представленным в творчестве корифеев мировой литературы: Фирдавси, Джалолиддина Руми, Шекспира, Абдурахмана Джоми, Алишера Навоий, Захириддина Бабура, Гёте, Томаса Манна, Александра Сергеевича Пушкина, Льва Толстого и других.

МАНАС ВЕЛИКИЙ[1]

К 1000-летию кыргызского эпоса

Манас – великий эпос кыргызского народа – по общему признанию специалистов, не имеет себе равных по идейно-художественным достоинствам, по размаху. В состоящий из трех частей героический эпос вошли древние легенды, мифы, предание и сказки, которые на широком социально-историческом фоне просвечивают страницы многовековой истории, богатой самобытной духовной жизни киргизов – одного из древних народов Центральной Азии. Тут сказы о героических подвигах народных богатырей в борьбе против бесчисленных набегов иноземцев, повествования о буднях и свершениях людей труда, по преодолению внутриродовых разногласий, нередко сопровождавшихся, к сожалению, кровавыми событиями, о бытовых обрядах, духовных традициях и т.д.

Надо сказать, что в условиях отсутствия письменности и профессиональной литературы вплоть до XX века киргизский народ вкладывал свою душу в устную поэзию, отражая в таких величественных проявлениях, как «Манас», свою «автобиографию». Как гласит мудрая поговорка: «Нет худа без добра». Именно благодаря отсутствию письменной литературы стало возможным возникновение такого монументального, художественно-величественного, идейно-значительного творения.

В образе Манаса выкристаллизовалась мечта кочевых племен о герое, который мог бы, положив конец междоусобным распрям, объединить их в единый кулак, нанести сокрушительный удар по всем иноземцам, которые при каждом удобном случае грабили аилы, уводили в полон детей и жен, превращая их в рабов. Наделенный чудесной, божественной силой от самого рождения, Манас становится не только мужественным и непобедимым защитником пределов родной земли,

[1] Статья впервые была опубликована в газете «Наманганская правда», № 28, 8 июля 1995 года.

грозой для ее врагов, но и справедливым и гуманным правителем, что представляется важным не в меньшей степени, чем ратные подвиги богатыря. Он очень любил свой народ и был по отношению к нему благородным, великодушным и щедрым. Однако, как ни парадоксально, именно эти качества героя однажды в годы молодости героя становятся причиной размолвки с ближайшими родственниками, из-за чего он вынужден был покинуть родную землю и поселиться в плодородной Ферганской долине, где ему суждено было встретиться с Бободехканом, святым дехканином, покровителем земледельцев, образ которого и ныне каждый земледелец в нашем регионе с любовью носит в своем сердце.

Кстати, Ферганская долина – не единственное географическое название в эпосе, связывающие наши народы. Неоднократно напоминаются в нем города Ташкент, Чирчик, Самарканд, Бухара, Коканд, Маргилан и даже сказочный Чамбил-бел – родина героя эпоса всех тюркских народов Гор-оглы. Их правители – желанные гости киргизов на их свадьбах и похоронах. К тому же, жена Манаса Каныкей – дочь бухарского хана.

Во время пребывания в Ферганской долине проявляется другая грань характера героя – он с прилежанием перенимает у Бобо-дехкана секреты земледелия, выращивает богатый урожай хлеба и щедро делит зерно между голодавшими в ту лихую годину киргизами, за что предводитель одного из племен дарит Манасу своего любимого коня Ак кулу, который становится боевым другом героя до самой его смерти.

Но все же, главное в образе Манаса – его героические подвиги. Ещё шестилетним ребенком, собрав дружину из сорока мальчиков, он охранял свои стада от набегов вдвое-втрое превосходящих по численности калмыцких сверстников. Ему приходилось не раз вступать в единоборство с именитыми богатырями, над которыми юный Манас непременно одерживал победы.

Вскоре киргизы признают Манаса своим ханом, и он на протяжении долгих лет стоял на страже рубежей родного края. Он «взлетал» на своем боевом коне на высокую вершину горы, обозревал местность вокруг – не идут ли оттуда враги… Эту великую горную вершину, с которой почти не сходит белоснежная шапка, и ныне народ почтительно называет Манас Ата.

Основные события сказания о Манасе (первой части трилогии) связаны с борьбой киргизов во главе со своим предводителем против калмыцко-монгольских ханов, объединяющихся в разные народы во главе с Алокеханом и его сыном Конгурбаем. Манас неоднократно побеждал этих ханов и их страшных великанов.

Немалое место в сюжете «Манаса», особенно во 2-ой («Семетей») и 3-ий («Сейтек»)частях, занимает описание межродовых распрей, борьбы за власть. Отдельных персонажей, прежде всего, отличают тщеславие, желание любой ценой выделиться, жажда власти. Меньше всего они думают о том, что междоусобица лишь раздирает родную землю, разобщает людей, оголяет уязвимые места для врага. Манас же великодушен, всегда выше личных обид. Для него превыше всего интересы народа.

Хочется отметить, что «Манас» и ему подобные творения народной фантазии – это не только описание подвигов легендарных богатырей. Это одновременно летопись бед и страданий народа. Один лишь пример, сюжет ныне уже хорошо известный всему миру литературной легенды о манкуртах из романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день», которую нельзя читать без содрогания, был подсказан строкой из «Манаса».

Одновременно «Манас» – это воплощение могучего народного духа. Более того – он насыщен общечеловеческим нравственным опытом. Глубокое чувство долга, высокое понятие чести, порядочность, совестливость, преданность в любви и дружбе, бескорыстие – вот, что характеризует героев эпоса, чем близки они героям эпических

произведений других народов: Алпомышу, Гор-оглы, Давиду Сасунскому, Рустаму, Илье Муромцу и другим. Именно на таких людях держится земля. Дефицит же подобных качеств у людей, как правило, во все времена и у всех народов выливался в бесчестные поступки, братоубийственные войны.

У Чингиза Айтматова есть очерк под названием «Снега на Манас Ата». Отметим, что этот очерк известного писателя не юбилейно-манасовский, а относится к 1975 году. Это – очерк о жизни односельчан в период Великой Отечественно – о стариках, об одноногих, фронтовиках, о подростках, простых людях труда. Среди них есть малограмотные и вовсе безграмотные. Однако этих людей, прежде всего, отличают благородство и бескорыстие. Они сознают, что от их труда зависит многое в решении судеб Родины, долг перед которой они готовы выполнять несмотря ни на какие трудности и лишения. Эти люди ковали основы Великой Победы, находясь в глубоком тылу. Думается, именно они явились прообразами айтматовских Дюйшена, Танабая, Едыгея, Бостона, которых с полным основанием можно назвать духовными потомками Манаса Великого, ибо в них трансформировался тот общечеловеческий нравственный опыт, который воплощен в героическом образе народного эпоса. Вот почему герои киргизского писателя вызывают глубокое сопереживание у читателей своего мира.

Как многозначительно звучат слова Айтматова из вышеупомянутого очерка: «Стоит Манас на земле как стоял»[2]. Хочется думать, что эти слова относятся не столько к пику Манас-Ата, сколько к народу, потомкам, живущим по заветам своего великого предка.

---

[2]Айтматов, Ч. Снега на Манас-Ата. / Чингиз Айтматов. В соавторстве с землею и водою… : Очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е издание. – Фрунзе: Кыргызстан, 1979, с. 166.

МЕЛОДИЯ ЛЮБВИ[3]

Повесть «Джамиля» впервые была опубликована в 1958 году. Её быстро напечатали в «Новом мире». Публикацию тут же заметила критика. О ней писал с горячим одобрением известный писатель и литературовед Мухтар Ауэзов, с мнением которого все считались и считаются. Он пишет: «Повесть Айтматова психологична, изящна и проста, это явление новое на почве киргизской прозы».[4] А французский писатель Луи Арагон перевел повесть на свой язык и заявил всему миру: «Повесть Айтматова самая прекрасная в мире повесть о любви».[5]

Переведенная за короткое время на французский, испанский, польский и итальянский языки, повесть вызвала широкий отклик в мировой и отечественной прессе. По данным на 1985 год, «Джамиля» в общей сложности только в СССР издавалась 15 раз, общим тиражом 873 тыс. экземпляров.[6] В чем причина такого небывалого успеха? Ответ на этот вопрос содержится в отзывах самих читателей и критиков Айтматова. «О простых и знакомых нам чувствах, – говорят авторы одного письма, – Айтматов написал просто и душевно». «Эти люди из Киргизии имеют чистую и светлую душу» – пишет другой читатель. «Герои Айтматова – люди большой души, они вселяют в тебя уверенность»[7].

Литературовед В. Дементьев пишет: «Айтматов умеет «прозу жизни», грубую ее обнажённость превращать в «золото поэзии»».[8] Этого он достигает при помощи лирических отступлений, фольклора, мифов,

---

[3] Настоящая статья, написанная в 1997 году, впервые была опубликована в издании: Научный вестник НамГУ, 2002 год, 4-выпуск.

[4] М. Ауэзов. Путь добрый! / Ч. Айтматов. Очерки, статьи, и рецензии о творчестве писателя. –Фрунзе: Кыргызстан, 1975, с. 15.

[5] Цитируется по: Акматалиев А. Айтматовское слово. Послесловие к изданию: Ч. Айтматов. И дольше века длится день (Белое облако Чингизхана). Лицом к лицу. Главная редакция Киргизской советской энциклопедии. –Бишкек:1991, с. 452.

[6] См. об этом: Р.Р.Рахманалиев. Резонанс Чингиза Айтматова (Опыт конкретно-социологического исследования). // Руский язык и литература в киргизской школе. 1988, № 5, с. 55.

[7] Солиев А. Светлый талант. / Ч. Айтматов. Очерки, статьи и рецензии о творчестве писателя. –Фрунзе: Кыргызстан, 1975, с. 10.

[8] Дементьев В. Здравствуй, Танабай! / Ч. Айтматов. Очерки, статьи, и рецензии о творчестве писателя. – Фрунзе: Кыргызстан, 1975, с. 206.

легенд и, конечно же, песен. Столь же значительно оценивают повесть и многие другие читатели и критики. Нам остается только присоединиться к их достойным и высоким оценкам.

Следует отметить, что внутренняя сила айтматовских произведений, благодаря которой они «доходят» до человеческой души и безмерно возвышают ее, заключается в неповторимо ярком, искреннем и взволнованном повествовании о самых дорогих для людей переживаниях и делах. Эти переживания и дела близки и понятны людям, они волнуют и занимают людей, и когда они являются в сильных, впечатляющих образах, чувствах, страстях, раздумьях и делах простых людей, как Джамиля и Данияр, - сила художественного слова словно удваивается.

Как известно, в повести Ч. Айтматова рассказывается об истории любви Джамили и Данияра, любви, которая до поры до времени как будто тормозится адатом и связанным с ним моральными нормами, а неписанным законам адата в произведении противостоит представление современного человека о любви и о праве на счастье.

В ряде критических работ о повести авторы, не обоснованно, на наш взгляд, пытаются представить героиню Айтматова, как вступающую в решительную борьбу с какими-то внешними проявлениями сил, мешавших ей добиться счастья. Сошлёмся на примеры:

К. Потапова: «…цепкие лапы уходящих в прошлое, но еще дающих свой «последний бой» обычаев и традиций, против которых бунтует Джамиля…»[9]

Н. Губарева: «…она (Джамиля – К.Н.) смело бросает вызов тысячилетним традициям, в силу которых женщина считалась безропотной рабыней…»[10]

Думаем, что критики сильно преувеличивают, когда пишут, что Джамиля за свое право жить и любить по-новому смело вступает в бой с

---

[9] Потапова К. Сыновья земли. / Ч. Айтматов. Очерки, статьи, и рецензии о творчестве писателя. –Фрунзе: Кыргызстан, 1975, с. 85.
[10] Ч. Айтматов. Очерки, статьи, и рецензии о творчестве писателя. –Фрунзе: Кыргызстан, 1975, с. 114.

пережитками старого мира; пишут так, как будто между Джамилей и старым традиционным бытом лежит что-то непреодолимое, серьезный конфликт.

На самом деле Джамиле внешне ничего не противостояло. Однако то, что происходит, совершается как незаурядное, запоминается читателю, волнует его.

Джамиля, молоденькая красивая жена Садыка, ушедшего на войну после свадьбы, в семье пользуется любовью, главное, ее любит «старшая мать». Любит как свою будущую преемницу и прощает Джамиле ее самостоятельность, а иногда и дерзость – слава богу, невестка не размазня, не пустое место. Не случайно «старшая мать», когда Джамиля уходит из семьи с Данияром, говорит с тяжелым вздохом: «...Пропадет Джамиля ...Эх, какой хозяйкой была бы она в семье! Ушла... Отреклась... А зачем ушла? Или худо ей было у нас?»

В самом деле, что было плохого для неё в доме мужа? Против чего ей бунтовать?

Нужно отметить, что в повести нет ни одной строчки прямого авторского обвинения патриархальщине.

«Но кое-что в Джамиле все-таки смущало свекровей: уж слишком откровенно была она весела, точно дитя малое. Порой, казалось бы, совсем беспричинно начинала смеяться, да еще так громко, радостно... А еще любила Джамиля петь, она постоянно напевала что-нибудь, не стесняясь старших».

Как видим, Джамилю фактически ничего не стесняло. И если авторы, посвящающие свои произведения борьбе женщин Востока за элементарные человеческие права, представляли читателю тот быт, против которого велась борьба, как нечто из ряда вон выходящее, беспросветно отрицательное, то насчет, якобы «отрицательности» черт такого быта в «Джамиле» спорить не приходится. Исключительности не было. Привычный, извечный и для многих людей нормальный уклад. «Так

повелось у нас еще со времен кочевья… Эту традицию сохранили и мы…», – замечает рассказчик.

Таким образом, любовь Джамили мы стали бы оценивать как порыв души, а не жест против каких-то законов адата. В повести внешних противоборствующих реальных сил почти нет, все происходит внутри героини, в ее душе. А то, что происходило в душе героев, и прежде всего героини, Ч. Айтматов мастерски передает своим искусством, Не будет преувеличением сказать, для этого писатель сумел собрать воедино силы трех искусств: художественной литературы, живописи и народно-песенного искусства.

«Джамиля» – повесть яркая и поэтичная, в ней светится каждое слово, вся она пронизана захватывающим лиризмом, Не удивительно, что грузинский поэт Иосиф Нонешвили, характеризуя это произведение, говорил: «Для меня лично, как для поэта, оно дорого еще тем, что звучит, как великолепное стихотворение в прозе, пронизанное поэзией чувств»[11].

Вся повесть – это триумфальная симфония радости и счастья любви, жизни на высшем уровне мечты. И веришь: как замечателен должен быть тот мир, где звучат такие симфонии, где люди посредством песни могут приоткрыть самые интимные порывы души без сомнения в их чистоте, и как необычно то миросозерцание, опираясь на которое, можно и людей в обыденную жизнь увидеть в таком свете!

Как достигает Ч. Айтматов такой поэтизации, такого глубокого лиризма в своей прозе, в частности, в «Джамиле»? Здесь прежде всего следует сказать, что в первоначальном варианте повесть «Джамиля» именовалась по-другому: «Обон», то есть «Мелодия». Произведение «Джамилей» назвал А. Твардовский, редактор журнала «Новый мир», где повесть впервые была напечатана. Айтматовское первое, несколько эстрадное название, конечно же, вернее выражало суть произведения. И

[11] Цитируется по: Хорошкин В. Повести гор и степей. / Ч. Айтматов. Очерки, статьи, и рецензии о творчестве писателя. –Фрунзе: Кыргызстан, 1975, с. 122.

Джамиля и Данияр были ничто в сравнении с той главной героиней, которая повелевает ими; речь ведь не о буквальной песне, которую поет влюбленный Данияр («Горы мои, сине-белые горы…»), а речь о «музыке» (в метафорическом, конечно, смысле), рождающейся между Джамилей и Данияром, и пробуждающей в Сеите живописце.

Так возникают главные «идеи» повести – те внутрисюжетные сцепления, те эстетические образы – идеи, которые «не ставят» и не «берутся», а органически рождаются в целенаправленном преодолении «материала» художественной обработкой, в сфере композиции.

Так повесть «Джамиля» рождается из духа музыки.

Чарующий колорит повести усиливается также благодаря характерному для Сеита, рассказчика-живописца, тонко-поэтическому восприятию мира. Искусство Сеита придает повести дополнительные чудесные краски.

Не последнюю роль сыграл и прием оформления повести: приведенные в начале и в конце повести раздумья молодого художника о том, как лучше передать на полотне всю красоту любви и смелости Джамили и Данияра.

Однако основным композиционным приемом, придающим большую поэтическую красоту произведению, является песня, которой так много внимания уделяет Чингиз Айтматов. Она убедительно и эмоционально показана в сцене возвращения героев со станции домой. «Мы поздно возвращались со станции. А ночь выдалась замечательной. Кто не знает августовских ночей с их далекими и в то же время близкими, необыкновенно яркими звездами! Каждая звездочка на виду. Вон одна из них, будто заиндевевшая по краям, вся в мерцании ледяных лучиков, с наивным удивлением смотрит на землю с темного неба».

Да, это была прекрасная ночь. В такую ночь невозможно молчать, в такую ночь хочется петь.

Вот как передает свое впечатление от песни рассказчик.

«… Больше всего меня поразило, какой страстью, каким горением была насыщена сама мелодия. Я не знал, как это назвать, да и сейчас не знаю, вернее не могу определить: только ли голос, или еще что-то такое, что способно вызвать у другого такое же волнение, способно оживить самые сокровенные думы. Если бы я мог хоть в какой-то мере воспроизвести песню Данияра, в ней почти не было слов, (Горы мои, синебелые горы, Земля моих дедов, моих тоцов!), без слов раскрыла она большую человеческую душу».

Весь мир земной красоты, тревог и радостей человеческих раскрывается в песне простого киргиза с трудной, но завидной судьбой. Далее рассказчик замечает: «Ни до этого, ни после – никогда я не слышал такой песни… Это была песня гор и степей, то звонко взлетающая, как горы киргизские, то раздольно стелющаяся, как степь казахская. Я слушал и диву давался. «Так вот он, оказывается какой Данияр. Кто бы мог подумать?»

Влюблённость Данияра в песни, в жизнь завоевывает сердца окружающих; его песни, исполненные любви к родине, очищают и возвышают души Джамили и Сеита: «Слушая Данияра, я хотел припасть к земле и крепко, по-сыновьи, обнять ее только за то, что человек может так ее любить». Мальчик впервые почувствовал, что в нем проснулось что-то новое. «Это было что-то неодолимое, эта была потребность выразить себя, да, выразить, не только самому видеть их, ощущать их, но и донести до других свое видение, свои думы и ощущения, рассказать людям о красоте нашей земли так вдохновенно, как это умел делать Данияр».

Это был человек глубоко влюбленный, эта была любовь не только к другому человеку, это была какая-то другая, огромная любовь к жизни, к человеку. Еще Сеит замечает: «Да, он хранил эту любовь в себе, в своей музыке, он жил ею. Равнодушный человек не мог бы так петь, каким бы он не обладал голосом».

В песне Данияр раскрыл самого себя, излил душу. Песня его явилась своеобразным объяснением в любви к Джамиле. С этого дня в ее жизни, казалось, что-то изменилось. Песня Данияра настолько глубоко засела в ее душу, что этого словами и не выразить, она жила в ожидании чего-то хорошего, желанного. Каждый день Джамиля жила в надежде услышать песню Данияра вновь и вновь.

Где он этому научился, от кого он все это услышал? Одно ясно, что так мог любить свою землю только тот, кто всем сердцем тосковал по ней долгие годы, кто выстрадал эту любовь. Именно Данияр, отдавший все свое свободное время созерцанию и «слушанию» природы («Данияр взбирался на караульную сопку и просиживал там дотемна», как бы внимая таинственному голосу природы), сумел лучше всех в аиле выразить в песне «душу гор и степей».

Автор не зря уделяет большое внимание пейзажным зарисовкам. Ведь всю силу мелодии Данияр черпает из природы, в голос которой прислушивается. Чудесный пейзаж органически входит в повествование. Казалось, что можно нового сказать о степном однообразии? Но Ч. Айтматов раскрывает все новые и новые красоты киргизских степей. Как истинный художник, рисует автор живые картины природы: они сообщают настроение всей повести, потому что соответствуют настроению героев.

Литературовед Н. Губарева пишет: «Рассказывая о том, как под влиянием любви раскрывается богатство натуры Джамили, писатель замечает, что, «может быть, любовь – это такое же вдохновение, как вдохновение художника, поэта?»[12] И эта особая принадлежность душевного состояния героини, ее вдохновенное чувство к Данияру, к жизни, к людям передано через восприятие народных песен.

---

[12] Губарева, Н. Певец современности. / Ч. Айтматов. Очерки, статьи, и рецензии о творчестве писателя. – Фрунзе: Кыргызстан, 1975, с. 114.

Один из исследователей справедливо замечает о народной песне, что «в ее образах и мотивах запечатлена живая душа народа, одинаково прекрасная и в радости, и в горе своем».[13]

Песни Данияра дышали страстью внутренним жаром. Не удивительно, что когда он начал петь о своей любви, вспыхнула ответная любовь у Джамили. Песни Данияра были плотью от плоти родной природы, они родились, чтобы стать их органической частью. Поэтому так удивительно реагирует на песни Данияра его родная степь. Эта песня придает уверенность и силу человеку, укрепляет его веру в счастье. Песни не могли не затронуть душу Джамили. Как могла она не ответить ему на искренний зов исстрадавшегося, но могучего сердца? Разве могли в наше время сдержать такую любовь какие бы то ни было соображения о законах аила, о родовых обычаях, о житейских привычках и выгодах?

Любовь Джамили и Данияра изображена с огромной художественной и эмоциональной силой. Это – любовь наших современников, светлая и непоборимая. О ней рассказано просто, правдиво, реалистично, в то же время, поэтично, задушевно.

Да, эта прекрасная любовь изображена на фоне прозы традиционного быта, в которого еще и живут пережитки старых семейных традиций, которые не всегда давали возможность современному человеку свободно проявлять свои чувства. Но любовь Джамили – не жертва этой традиции. Ч. Айтматов превыше долга и жертвы ставит подлинное чувство. Казалось бы, святая истина: муж на фронте – долг жены сохранять ему верность во что бы то ни стало. Так, отмечает Айтматов, ну а если и в этих исключительных условиях вспыхивает подлинная любовь? Разве к тому огромному, что захватило, очаровало, швырнуло друг к другу Джамилю и Данияра, этого застенчивого калеку с душой поэта, хоть отдаленно применимо слово «измена»?

---

[13] Левченко, В. Ч. Айтматов. –М: Советский писатель, 1983, с. 40.

Настоящая любовь всегда чиста. Любовь как бы говорит: «Там, где я, не может быть грязно». Такова идея «Джамили», повести, одновременно глубоко поэтичной и предельно напряженной, захватывающей читателя жизненным драматизмом.

Джамиля уходит с Данияром из аила, уходит навстречу любви, навстречу счастью и, добавим, навстречу неизвестности, ибо по повести неведомо, как сложится их дальнейшая судьба. «За пределами повести, – писал Мухтар Ауэзов, – лежит много недосказанного, зовущего сердце читателя. Так оно и должно быть в настоящей лирической повести»[14].

ТРАГИЧЕСКАЯ БЕЗЫСХОДНОСТЬ И ДОБРОДЕТЕЛЬ[15]

Как известно, Ч. Айтматов входит в число наиболее издаваемых и читаемых во всем мире писателей. Такое внимание к его творчеству объясняется тем, что произведения великого мастера приоткрывают перед современным читателем завесу над самыми животрепещущими социальными, нравственными проблемами, могущими не сегодня-завтра вылиться в непоправимые бедствия глобального масштаба для человечества. Глубокий лиризм, напряженный драматизм, а зачастую и высокий трагизм – вот что характеризует повести и романы писателя. Ни один образ, создаваемый Ч.Айтматовым, не оставляет читателя равнодушным. Писатель показывает величие человеческого духа, величие настоящего, сильного человека, способного подняться над обстоятельствами, готового сокрушать зло, до конца исполнить свой долг: долг учителя, долг отца, долг ученого...

Герои Айтматова, казалось бы, люди неблизких профессий и весьма различных интеллектуальных уровней: учитель, табунщик, рабочий, недоучившийся семинарист и ученый – обнаруживают общность в нравственном плане; каждый из них по-своему, в меру своих

---

[14] М. Ауэзов. Путь добрый! / Ч. Айтматов. Очерки, статьи, и рецензии о творчестве писателя. –Фрунзе: Кыргызстан, 1975, с. 16.

[15] Впервые опубликована в изд. «Научный вестник НамГУ», 2002 год, 3-выпуск.

27145

возможностей, но с полной отдачей, на пределе нравственно-физических сил служат добру, во благо людей.

Дюйшен из "Первого учителя" до конца выполняет, лишая себя всех возможных личных благ, долг учителя, добиваясь самой благородной на земле цели - обучать детей. Этому делу он отдает свои лучшие годы, преодолевая колоссальные препятствия на пути к цели. Его нисколько не коробит даже тот факт, что неблагодарные потомки, ради которых Дюйшен когда-то готов был буквально на все, забыли пригласить на юбилей школы первого учителя. Герой же, к его чести, и не ждет благодарностей, почестей.

Рядовые труженики Танабой из "Прощай, Гульсары", Толгонай из "Материнского поля", Едигей из "Буранного полустанка", Бостон из "Плахи" в буквальном смысле этого слова самоотверженно трудятся во благо близких, общества, не преследуя низменных, корыстных целей, проявляя безграничную стойкость, обнаруживая безмерную щедрость души. Их труд без преувеличения можно назвать подвигом. Это такие личности, о которых говорят: "На таких держится земля!".

Трагическая безысходность, в то же время осознания не бессмысленности смерти героев - так можно охарактеризовать исход борьбы добра и зла в произведениях Ч. Айтматова.

Мальчик из "Белого парохода" погибает, уплывая к своей детской мечте, к "Белому пароходу".

Пример отцов, их самопожертвование во имя сохранения рода человеческого с наибольшей художественной силой выражено в повести "Пегий пес, бегущий краем моря". Дед, дядя, отец, эти простые морские охотники, люди высокой нравственности, долга и чести, ясно чувствуя свою ответственность за будущее, добровольно расстаются с жизнью, спасая одиннадцатилетнего своего потомка Кириска. Они иначе поступить не могут, в противном случае теряет всякий смысл само их существование: твердо убеждены, что смысл жизни - в продолжении рода человеческого.

Не драгоценные металлы, а память историческую, духовные ценности собирается оставить после себя детям учитель Абыталип из "Буранного полустанка", за что герой в конечном итоге платит жизнью.

Бывший семинарист Авдий Каллистратов из романа "Плаха", ученый- футуролог Роберт Борк и космический монах Филофей из романа "Тавро Кассандры" – герои поистине высоких помыслов, добровольно испивают чашу смерти во имя идеалов своей жизни. Трагичность ситуации, в которой оказываются эти герои, усиливается тем, что их убивают, или во всяком смысле виновны в их смерти, те самые люди, нравственное прозрение которых герои считают смыслом своей жизни.

Распятый, как и его учитель Иисус, Авдий, одержимый мыслью о спасении души отъявленных мерзавцев, до конца не расстается с мыслью о правоте своих идей.

Роберт Борк и Филофей гибнут, пытаясь раскрыть человечеству истину о трагичности судеб мира, будучи в полной уверенности, что за правду должно пострадать и своими поступками доказывают это. Изображение трагизма положения героев романа "Тавро Кассандры" усиливается включенными в художественную ткань произведения двумя вставными сюжетами. Первый: изображение массового самоубийства китов, якобы, не имея другой возможности, таким образом сигнализирующих о предчувствии ими глобальных катастроф в природе и в обществе. Второй: для пояснения загадочного поведения китов писатель вводит в роман современную притчу о немой девушке: мерзавец отец убил мать, немая девушка бежит из дома, хочет рассказать о случившемся горе людям, но те не понимают ее; тогда немая хочет броситься под трамвай.

Сцены с китами-самоубийцами и с немой девушкой можно рассматривать как аллегории, образно характеризующие состояние, в котором пребывает современный мир.

Невольно задаешься вопросами: Неужели настолько гибельно безысходны обстоятельства, окружающие человека? Неужто настолько

трагична жизнь маленького человека в этом огромном грешном мире? Неужели ложь, зло всегда будут торжествовать и человечество неминуемо ждет мрак? На эти вопросы хочется ответить словами самого писателя из повести "Белый пароход":

"Ты уплыл, мой мальчик, в сказку свою...

Ты уплыл.

Одно лишь могу сказать теперь - ты отверг то, с чем не мирилась твоя детская душа. И в этом мое утешение. Ты прожил, как молния, однажды сверкнувшая и угасшая. А молнии высекаются небом. А небо вечное. И в этом мое утешение. И в том еще, что детская совесть в человеке, как зародыш в зерне; - без зародыша зерно не прорастает. И чтобы ни ждало нас на свете, правда пребудет во всем, пока рождаются и умирают люди...".

Ещё одна цитата из Айтматова, из его романа "Тавро Кассандры": "Человек не сотворен изначально добродетельным, отнюдь нет, для этого требуется неустанно прилагать душевные усилия и всякий раз, с каждым новым рождением, заново приступать к этому для достижения недостижимого идеала. И всё в человеке должно быть направленно на это. Только тогда он - человек".

ЗАВЕТЫ ОТЦОВ – ОСНОВА ДУХОВНОГО ВОСПИТАНИЯ РЕБЁНКА[16]

В творчестве всемирно известного писателя Ч.Айтматова есть одна мысль, которая, проходя через многие его художественные и публицистические произведения, образует, соединившись с другими проблемами, мощную идейно-эстетическую силу, вступающую в активную борьбу за будущее человечества. Эта мысль – педагогическая.

[16] Статья ранее публиковалась в газете «Наманганская правда». №№ 40-41, 3,10 октября 1998.под названием «Педагогическая мысль Чингиза Айтматова» и в журнале "Педагогик таълим" (2005, №1, с. 70-72.) под названием "Заветы отцов – основа духовного воспитания ребёнка".

Педагогическая мысль Айтматва проявилась уже в его ранних публицистических статьях, где он подвергал критическому анализу действующие школьные учебники. В художественном же творчестве писателя педагогическая тема во весь рост встаёт в повести «Первый учитель» (1962 г.).

«Первый учитель» – без преувеличения можно назвать одним из лучших произведений во всей бывшей советской многонациональной литературе. Сейчас, по истечении четырех с лишним десятка лет, в новых социально-политических условиях, об этом произведении можно думать и говорить по-разному, однако, на мой взгляд, неизменным остается одно – айтматовский герой есть пример беззаветного, бескорыстного служения своему идеалу. Терпя холод и голод, издевательства и побои со стороны баев, рискуя жизнью, преодолевая недоверие простых людей, ради которых, собственно, и рисковал герой собой. Дюйшен учит детей грамоте, а главное – пробуждает в них человеческое сознание. Учитель ясно осознает социальную необходимость того, что он делает, считает себя призванным вершить это архиважное дело.

В этом произведении Ч.Айтматов впервые в своем творчестве поднимает и проблему бережного отношения к памяти отцов, которая впоследствии станет одной из ведущих не только у кыргызского писателя: чуть ли не каждый советский писатель начнет с полным основанием утверждать, что без исторической памяти у человечества нет будущего. Данная проблема также составляет неотъемлемую часть педагогической мысли Ч.Айтматова. Ныне все осознали, что без усвоения заветов отцов, без знания исторических корней своих нельзя даже думать о нормальном духовном становлении молодого поколения.

В последующем писатель не посвящает произведений специально проблеме учительства. Однако тема заботы о подрастающем поколении, глубокая тревога о положении дел в этой области проходит почти через все его произведения. Это, прежде всего, бросается в глаза в повестях,

которые можно было бы назвать произведениями о детях для взрослых: «Белый пароход» (1970 г.), «Ранние журавли» (1975 г.), «Пегий пес, бегущий краем моря» (1977 г.). В первой из них писатель ставит проблему формирования духовного мира своего безымянного маленького героя, точнее говоря, здесь показано лишь начало этого процесса. Изображено столкновение едва складывающегося светлого, чистого, как стеклышко, хрупкого представления о мире у Мальчика с миром грубым, безжалостным, жестоким, ненавидящим все и вся, бездуховным, воплощенным в образе Оразкула.

Представление о добром мире, мечты о белом пароходе у Мальчика формируются под непосредственным воздействием сказок, особенно легенд «О Рогатой Матери-Оленихе», которые часто рассказывал своему внуку дед Момун.

Здесь необходимо отметить, что писатель не случайно отводит главную роль в таком важном деле, как духовное воспитание ребенка, дедушкиным сказкам. В сказках, утверждает Ч.Айтматов, как и многие его великие предшественники, есть буквально все, что нужно для ребенка: и эстетическое, и нравственное, и патриотическое, и т.д.

В статье «Заметки о себе» (1972 г.) писатель с благодарностью вспоминает свою бабушку, очень много рассказывавшую ему сказок и песен: «Пожалуй, сама того не подозревая, бабушка привила мне любовь к родному языку. Родной язык! Сколько об этом сказано! А чудо родной речи необъяснимо. Только родное слово, познанное и постигнутое в детстве, может напоить душу поэзией, рожденной опытом народа, пробудить в человеке первые истоки национальной гордости, доставить эстетическое наслаждение многомерностью и многозначностью языка предков. Детство – не только славная пора, детство – ядро будущей человеческой личности. Именно тогда возникает ощущение причастности

своей к окружающим людям, к окружающей природе, к определенной культуре».[17]

В других своих статьях и художественных произведениях писатель неоднократно подчеркивает, что фольклор – это заветы отцов, духовная опора для народа и именно в нем через тысячелетия приходит к нам тот нравственный опыт, без которого теряет смысл человеческое существование. Точнее и конкретнее: в повести «Белый пароход» через легенду «О Рогатой Матери-Оленихе» до нас доносится зов: все люди на Земле – дети одной Матери и должны жить в полном взаимопонимании, как братья, в гармонии с природой, которая и есть наша Праматерь. Надо любить и уважать ее. В противном случае, при нарушении гармонии в отношении человека к природе, человечество неминуемо ждет глобальная катастрофа – полное уничтожение.

Писатель в одной из ранних статей однозначно говорит, что современные ему воспитательные учреждения, особенно дошкольные, недостаточно справляются с задачами, возложенными на них в плане духовном. «Ну, как может одна женщина, нередко молодая, сама еще малоопытная, справляться с духовным воспитанием тридцати, а то и более детей в своей группе», - сетовал писатель тогда. Дома тоже дети зачастую лишены такой возможности. Все взрослые работают: папы и мамы, и дедушки, и бабушки, - почти некому и некогда заниматься детьми. Есть и множество других причин, в силу которых дети нередко оказываются предоставленными сами себе, особенно в городских условиях. Бывает и так, что дети лишаются возможности постоянного общения с родными из-за неустроенности быта. В повести «Белый пароход» автор как бы мимоходом сообщает читателю, что дочь Момуна живет с мужем «в большом доме, но в маленькой комнатке, до того маленькой, что повернуться негде. А во дворе никто никого не знает, как на базаре. И все

[17] Айтматов, Ч. Заметки о себе. / Чингиз Айтматов. В соавторстве с землёю и водою… : Очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е издание. – Фрунзе: Кыргызстан, 1979, с.151.

так живут – войдут к себе, и сразу двери на замок. Взаперти постоянно сидят, как в тюрьме».

Ч. Айтматов напоминает читателям о былых временах, когда дети воспитывались в основном в семье. Седоволосые дедушки и бабушки, порою даже не родные, просто соседи, рассказывали любимым внукам свои чудесные волшебные сказки, которые они тоже в свое время слышали от своих дедов. Родители сами непосредственно приобщали детей к своему труду, ремеслу, семейным родоплеменным традициям. Все это делалось как нечто важное в жизни человека, ритуально, ибо прекрасно понималось, что это необходимо ради продолжения не только своего рода, безмятежного существования своих отпрысков, но и для продолжения жизни на Земле в целом.

Читая произведения Ч.Айтматова, нетрудно уловить мысль о том, что о передаче молодому поколению духовных ценностей, традиций старших должны заботиться не только родители. Каждый человек персонально ответственен за это, и не только перед собственными детьми.

Интересен пример из повести «Ранние журавли». Здесь, казалось бы, незначительные детали: один из взрослых, ведя подростков на поминки, объясняет им, как необходимо вести себя там; или же отец вместе с сыном посещает базар, и родитель обращает внимание своего ребенка не только на то, как выбирать ту или иную вещь и выторговать ее у хозяина (это тоже, конечно, немаловажно для воспитания), но и на то, как торговец-узбек даже к своему собственному сыну обращается на «вы».

Конечно, духовность – это не только умение вести себя на свадьбе и на похоронах, не только вызубренная молитва, не только этикет. Атрибуты этикета, чисто внешнее проявление нравственности, можно легко усвоить и при этом внутренне оставаться посторонним наблюдателем горя ближнего. Главное – иметь в себе любовь к человеку, народу, земле, которая тебя кормит, трудолюбие, желание бескорыстно делать добро, а может, как мне думается, где-то неосознанная инстинктивная тяга к

совершению хорошего. И читатель повести «Ранние журавли» убеждается в том, что не столько суровая военная действительность заставила Султанмурата и его друзей взяться за плуг вместо ушедших на фронт отцов, и преодолевать неимоверные бытовые тяготы, сколько именно своевременно привитые им старшими, прежде всего родителями, трудолюбие, любовь к земле, выносливость, понятие чести и совести и т.д.

Проблема персональной ответственности родителей за духовное воспитание своих детей, или проблема детей, выросших вне доброго влияния отцов, остро стоит и в таком этапном произведении Ч.Айтматова, как роман «И дольше века длиться день» (1980 г.)

Вспомним лишь, как один из персонажей, учитель Абдуталип Куттибаев, постоянно собирает народные сказания, мифы, песни, понимая, какую огромную ценность для людей они представляют. Он собирает их в надежде на то, что, по крайней мере, его собственные дети могут воспользоваться этой бесценной чашей духовности. Но, увы, в условиях сталинского режима за собирание сказок он поплатился жизнью. Временщики прекрасно понимают, что управлять бездуховными, потерявшими память манкуртами гораздо проще.

Одним из представителей нового поколения, выросшего вне влияния сильного домашнего очага, воспитанного в интернате, является в романе Сабитжон, сын Казангапа. Он при любых обстоятельствах заботится о том, чтобы «в рот послаще попало». Ему даже безразлично, где и как будет похоронен его усопший отец.

Проблема передачи молодому поколению заветов отцов, семейных традиций, в том числе и трудовых, в центр внимания поставлена в небольшой повести «Пегий пес, бегущий краем моря». В этом произведении читателя поражает огромное чувство ответственности за свое потомство, за будущее своих детей, за то, чтобы не пересекались родовые традиции, что составляет смысл всей жизни взрослых героев этого замечательного по силе эмоционального воздействия на читателя

произведения. Трое взрослых людей: дед, дядя, отец, - оказавшись в почти безвыходным положении во время морской охоты, предпринятой ими по семейно-племенной традиции с целью посвящения маленького Кириска в свое ремесло, добровольно лишаются жизни, чтобы спасти того, в ком видели свое будущее, смысл своего существования, ради которого и была предпринята, собственно говоря, эта охота. Поступи взрослые иначе, т.е., струсив, стали бы заботиться о собственной жизни, была бы грош цена всему тому, благодаря чему и во имя чего они жили. И тут могут возникнуть закономерные вопросы: «Будет ли помнить Кириск тех трех родных ему людей, которые во имя одной его жизни принесли в жертву свои?», «Будет ли он верен добрым традициям предков?», «В состоянии ли будет он, если потребуется, принести в жертву свою жизнь во имя будущего, во имя спасения чьей-то жизни?». Ответом, я думаю, может быть трёхкратное «Да! Да! Да!».

Однажды в беседе с Р.Гамзатовым Айтматов сказал, что «в детстве в человеке возникает зародыш совести, порядочности, и от того, как он уцелеет и разовьется, какие ему создадут условия, зависит цельность и ценность личности».[18]

Нужно полагать, что Ч.Айтматов под «условиями» имеет в виду поведение, иначе говоря, живой пример взрослых отцов. Конечно, в «Пегом псе...» автор сгущает краски, бросает своих героев в исключительную, экстремальную ситуацию, тем самым добиваясь значительного усиления силы воздействия произведения на читателя. В реальной жизни чаще встречаются менее драматичные, но не менее поучительные примеры добрых деяний совестливых людей по отношению к детям.

Кстати, об одном из таких жизненных случаев писатель рассказывает в статье «Побеждающая доброта» (1962 г.). (Этот эпизод использован

[18] Чингиз Айтматов. В соавторстве с землёю и водою... : Очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е издание. – Фрунзе: Кыргызстан, 1979, с. 262.

писателем и в художественном произведении). Семнадцатилетний юноша, увидев зимой на железнодорожной станции семью эвакуированных – все голые, босые, - отдает свой полушубок одному из детей. «Мальчик совсем одичал, озлобился. А полушубок ему как раз впору», - объясняет юноша свой поступок матери. Спустя некоторое время мать рассказывала: «Я тогда промолчала. Я и сейчас не стала бы об этом говорить». «Глупый ты мой, сердечный, - подумала я, - ладно, если бы можно было одним полубушком всех одеть или одним куском хлеба всех накормить… Не о щедрости сына хочу сказать. Велико ли дело? Полушубок износится, и не в нем суть. Вот если у этого мальчика на станции согреется душа, если он с ранних лет поймет сердцем, что люди любят друг друга и что долг каждого делать добро другому, значит, он вырастет хорошим человеком. Ведь добро не лежит на дороге, случайно его не подберешь, человек у человека учится добру. И если это сбудется, значит, сын мой сделал святое дело».[19]

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПИСАТЕЛЬ СОВРЕМЕННОСТИ[20]

(К 70-летию Ч. Айтматова)

Знаменитому литератору, крупному общественному деятелю Чингизу Айтматову, заслуги которого признаны во всем мире, недавно исполнилось 70 лет.

Родился Ч. Айтматов в семье одного из руководителей Кыргызыстана. В 1937 году его отец был репрессирован. Так что будущему писателю довелось немало пережить в суровую годину.

Окончив сельскохозяйственный институт, Ч. Айтматов некоторое время работал по специальности. В те же годы на газетных страницах начали появляться его первые статьи и рассказы. Первое его значительное произведение – повесть «Лицом к лицу» относится к 1957 году. И уже в

---

[19] Чингиз Айтматов. В соавторстве с землёю и водою… : Очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е издание. – Фрунзе: Кыргызстан, 1979, с.85.

[20] Впервые опубликована в газете «Наманганская правда», №27, 3 июля 1999 года.

этом произведении молодой прозаик поставил и своеобразно разрешил ту философскую проблему, которую традиционно обозначают как проблему добра и зла.

Последующие повести Ч. Айтматова «Джамиля», «Тополек мой в красной косынке», «Первый учитель», «Ранние журавли», «Прощай, Гульсары», «Материнское поле», «Белый пароход», «Пегий пес, бегущий краем моря» отличаются остроактуальной проблематикой, глубоким раскрытием характеров, философичностью и в то же время проникновенной лиричностью интонации, напряженным драматизмом, а в отдельных случаях – высоким трагизмом. Созданные им образы, обладающие огромной силой воздействия, никого не оставляли равнодушным; каждое новое произведение его вызывает острые дискуссии с участием видных критиков и заинтересованных читателей во всем мире.

Глубоко философичны, многомерны его романы. Они полны напряженных раздумий о судьбах Земли и землян, человечества и человека, о сегодняшнем тревожном и противоречивом времени. Во всем строении романов «И дольше века длится день», «Плаха», «Тавро Кассандры» раскрывается одна из определяющих идей – ответственность каждого за происходящее в мире. Герои Айтматова – люди различных профессий и интеллектуальных уровней; учитель, табунщик, рабочий, недоучившийся семинарист и ученый – обнаруживают общность в нравственном плане; каждый из них по-своему, в меру своих возможностей, но с полной отдачей, на пределе нравственно-физических сил служит добру, но благо людей.

В каждом своем произведении писатель показывает величие человеческого духа, души человека, способного подняться над обстоятельствами, готового сокрушать зло, исполнить свой человеческий долг – долг учителя, долг отца и т.д.

Так, Дюйшен из «Первого учителя» до конца выполняет, лишая себя всех возможных личных благ, долг учителя, добиваясь самой благородной

на земле цели – обучать детей. Этому делу он отдает свои лучшие годы, преодолевая колоссальные препятствия на пути к цели. Его нисколько ни коробит тот факт, что неблагодарные потомки, ради которых Дюйшен когда-то готов был буквально на всё, забыли пригласить на юбилей школы его – своего первого учителя.

Самоотверженно трудятся во благо близких, общества, не преследуя никаких корыстных целей, проявляя безграничную стойкость, обнаруживая безмерную щедрость души, и рядовые труженики Танабай из «Прощай, Гульсары», Толгонай из «Материнского поля», Едигей из «Буранного полустанка», Бостон из «Плахи». Их труд без преувеличения можно назвать подвигом. Это те личности, о которых говорят: «На таких держится земля!»

А вот бывший семинарист Авдий Каллистратов из романа «Плаха», ученый-футуролог Роберт Борк и космический монах Филофей из романа «Тавро Кассандра» - герои поистине высоких помыслов, добровольно испивают чашу смерти во имя идеалов своей жизни. Трагичность ситуации, в которой оказываются эти герои, усиливается тем, что их убивают, или во всяком случае, виновны в их смерти, те самые люди, нравственное прозрение которых герои считают смыслом свой жизни.

Мальчик из «Белого парохода» погибает, уплывая к своей детской мечте, к «Белому пароходу».

Распятый, как и его учитель Иисус, Авдий, одержимый мыслью о спасении души отъявленных мерзавцев Гришана, Обер-Кандалова и им подобных, до конца не расстается с мыслью о правоте своих идей.

Роберт Борк и космический монах Филофей гибнут, пытаясь раскрыть человечеству истину о трагичности судеб мира, будучи в полной уверенности, что за правду должно пострадать, и своими поступками доказывают это.

Пример отцов, их самопожертвование во имя сохранения рода человеческого с большой художественной силой выражено в повести

«Пегий пес, бегущий краем моря». Дед, дядя, отец – эти простые морские охотники, люди высокой нравственности, долга и чести, ясно чувствуя свою ответственность за будущее, добровольно расстаются с жизнью, спасая одиннадцатилетнего своего потомка Кириска.

И все же, читая иные произведения Ч. Айтматова, невольно задаешься вопросами: «Неужели настолько гибельно безысходны обстоятельства, окружающие человека? Неужто насколько трагична жизнь маленького человека в этом огромном грешном мире? Неужели ложь, зло всегда будут торжествовать и человечество неминуемо ждет мрак?»…

В своеобразном эпилоге к повести автор отвечает на эти вопросы с великой надеждой, которая может воплотиться в романтической мечте.

Ч. Айтматов является и крупным общественным деятелем. Он основатель «Иссыккульского форума», президент «Ассамблеи культур народов Средней Азии». Эти организации видят свою задачу в объединении выдающихся деятелей культуры всего мира и направлении их сил на упрочение мира, стабильности, дружбы между народами.

Писатель в 1987 году избран академиком Всемирной академии наук и искусств.

За великие заслуги в области литературы и искусства, за большой вклад в дело укрепления взаимопонимания между народами Ч. Айтматов отмечен многими международными премиями.

Недавно в связи с 70-летием Президент Республики Узбекистан наградил писателя орденом «Буюк хизматлари учун».

ПИСАТЕЛЬ-БИЛИНГВИСТ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ч.АЙТМАТОВА[21]

В наше время писатель-билингвист, т.е. пишущий на двух языках писатель – явление хоть не очень распространенное, но и не редкость. В связи с изучением творчества таких писателей возникает целый комплекс проблем: Какому языку писатель отдает предпочтение? В какой степени правомерно говорить о соблюдении национально-эстетических традиций в творчестве писателя-билингвиста? и т. д. Над этим задумываются и сами писатели.

Ч.Айтматов, будучи сам билингвистом, т.е. пишущим на киргизском и русском языках, в статьях «Человек между двумя языками», «Восхождение» и «Взаимосвязь традиций» раскрывает сущность нетождественных двух путей решения этого вопроса: полностью перейти на услуги высокоразвитого языка или же путь сосуществования, т.е. параллельного развития национального языка с использованием языка передового. Здесь художник выполняет двойную работу: ему надо создать художественное произведение должного уровня, чтобы его признали соотечественники, и чтобы в этом произведении читатель мог бы увидеть богатство родного языка и отражение национально-этических традиций. «Это чрезвычайно интересная внутренняя работа, ведущая к совершенствованию стиля, к обогащению образности языка», - пишет Чингиз Айтматов.[22]

Надо помнить о святости родного языка, перед которой существуют определенные обязанности. Ее нельзя искажать, что нередко наблюдается в художественной практике, ее нельзя отводить на второй план, так как изолированно от своего родного языка писатель просто не может творить.

---

[21] Настоящая статья написана в соавторстве с магистрантом Элёром Абдулвахидовым и впервые опубликована в сб. научных статей «Хамидовские чтения. Актуальные проблемы русской и узбекской филологии», Наманган, 2008.

[22] Человек между двумя языками. / Чингиз Айтматов. В соавторстве с землёю и водою… : Очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е издание. – Фрунзе: Кыргызстан, 1979, с.110.

Но вместе с тем, не может быть и речи об изолированности родного языка от других. «Невозможно развивать духовную культуру нации без активного использования достижений более высокоразвитых культур», - отмечает автор статьи.[23]

Здесь уже всплывает наружу одно из главнейших проблем художественного слова – воздействие литературы, вносимая ею лепта в дело формирования духовности нации, развитие языка и культуры. Основоположником русского литературного языка явился А.С.Пушкин, английского – В.Шекспир, узбекского – Навои, а они некто иные, как мастера художественного слова. Никто из них не старался и не мог развивать свое творчество без контакта с другими языками и культурами. Тем более, что писатель должен отличаться высшим уровнем знаний и опыта, а знания приходят с изучением предыдущих достижений; опыт же немыслим без общения с более знающим, с более умеющим. Точно также в литературе и языке. «Путь художественного познания современной действительности не был бы простым и лёгким восхождением, если учесть, что для многих национальностей он пролегал через трудные переходы от устно-фольклорных культур, от патриархально-эпических, где герой ещё не сложился как личность, - к социально-психологическому исследованию человека наших дней», - отмечается в статье «Восхождение».[24] Примером тому служит творчество самого Айтматова-билингвиста.

Он пишет на русском и киргизском языках. И если книга была сначала написана на киргизском языке, он переводит ее на русский, и наоборот. Здесь речь идет о неравноценных по своему развитию языках. «Я принадлежу к представителям киргизской литературы. И если мои произведения изданы сейчас при посредстве русского языка на многих

---

[23] Человек между двумя языками. / Чингиз Айтматов. В соавторстве с землёю и водою… : Очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е издание. – Фрунзе: Кыргызстан, 1979, с.111.

[24] Чынгиз Айтматов. Восхождение. / Чингиз Айтматов. В соавторстве с землёю и водою…: Очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е издание. – Фрунзе: Кыргызстан, 1979, с.136.

языках мира, то тем самым русский язык укрепляет позиции моего родного киргизского языка, способствует его утверждению и свидетельствует о его внутренних возможностях» (1,109).[25] Вот в том то и соль всей айтматовской работы. Он использует русский язык, для того чтобы представить перед миром культуру своего родного киргизского языка, сочетает в своем творчестве знания обоих языков, причем большую пользу от этого получает читатель, его мировоззрение. При всем этом мы далеки от суждения о том, что киргизский читатель по прочтении произведения начинает рассуждать по-русски, или русский – подходить к общечеловеческим проблемам с киргизской точки зрения. Нет. Уже слово «общечеловеческий» говорит само за себя: «касающееся всего человечества». А значит, язык, на котором рассматриваются данные проблемы, служит только своеобразным мостом. Важно то, насколько богат этот язык, из чего он черпает свое разнообразие.

Для любого писателя сложившиеся до него художественные традиции представляют объективный фактор, воздействующий на его самосознание. И в этом случае писатель не берет их в готовом виде, а творчески воспринимает добытую до него опыт, осмысляет его самостоятельно, поверяет его новой действительностью, обогащает имеющийся опыт собственными открытиями. Остается решить: на каком языке – на родном или иностранном, это сделать; на каком языке он лучше оперирует, полноценно может высказать все накопившееся.

«Можно спорить в области литературы о многих вещах, но вряд ли может быть спорным факт преимущества родного языка для писателя, пишущего о жизни своего народа, о родных ему испокон веков людях, об их характерах, особенностях, психологии, традициях и обычаях».[26]

Бесспорно, подлинно художественное произведение, которое бы нашло отзвук в сердцах соотечественников и доставило бы им

---

[25] Там же, с.109.

[26] Айтматов, Ч.Человек между двумя языками. / Чингиз Айтматов. В соавторстве с землёю и водою… : Очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е издание. – Фрунзе: Кыргызстан, 1979, с.109.

эстетическое наслаждение, может появиться, разумеется, прежде всего, на родном языке нации. Об этом свидетельствует опыт многих художников слова, опыт многих литератур.

О ВНЕСЮЖЕТНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ПОВЕСТИ Ч. АЙТМАТОВА "ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ"[27]

Внесюжетные элементы в произведениях Ч.Айтматова не редкость. В настоящей статье мы остановимся лишь на одном, на "Плаче верблюдицы" в известной повести "Прощай, Гульсары".

Повесть "Прощай, Гульсары" интересна как идейным содержанием, так и своим сюжетно-композиционным строем. Повесть поражает не только своей глубиной, достоверностью, но и удивительным умением писателя видеть поэзию в простом, красоту в обыденном, героическое в буднях. И не редко средством поэтизации, способом возвышения обыденного до драматически взволнованного в руках мастера-писателя служит внесюжетный элемент.

Так, поэтична в смысле драматически взволнованна, печальная сцена, оставляющая глубокий отзыв в наших сердцах, когда по приказу председателя колхоза у Танабая отнимают Гульсары. Герой чувствует себя осиротевшив, потерявшим самое дорогое в жизни. Писателю трудно обычными словами передать состояние души своего героя. И зазвучала тогда древняя песня кочевников о верблюдице, потерявшей белого верблюжёнка.

Эта песня не раз звучит в повести, становясь своеобразным лейтмотивом произведения. "Как чудесный драгоценый камень, вправлена эта древняя киргизская песня "Плач верблюдицы" в благородный металл повествования. Печальный и протяжный, обволакивающий грустью, тоской почему-то незримо уходящему "Плач"

---

[27]Впервые опубликована в издании «Наука. Образование. Практика. Материалы трёх региональных межвузовских научно-проактических конференций, посвящённых 15-летию Академии ВЭГУ" (21, 26, 28 марта 2008 г., г. Тольятти).

предельно чётко выражает настроение героя, а сам образ верблюдицы, потерявшей белого верблюжёнка, приобретает символический, обобщающий смысл. И эта глубинная символика, это ненавячивое обобщение даже в деталях даёт пищу для раздумий надолго после того, как повесть проичитана".[28] В этой песне как бы отражается и сам безостанововочный, безжалостный бег времени, уносящий с собой жизнь, и голос памяти, взваливающий на человека весь груз проижитых лет.

"Плач векрблюдицы" возникает в самые тяжёлые пинуты жизни безотказного труженика-колхозника Танабая Бакасова, точно передавая, "материализуя" душевное состояние его, весте с тем заставляет звучать в повести неспешный, эпически величественный голос бытия:

"Бежит верблюдица много дней. Ищет, кличет детёныша. Где ты, черноглазый верблюжонок? Отзовись! Бежит молоко из вымени, из перполненного вымени, струится по ногам. Где ты? Отзовись! Бежит молоко из вымени. Белое молоко..."

Песня звучит впервые в тот день, когда табунщик Танабай лишился своего знаменитого иноходца Гульсары, которого вырастил, - забрали, увели коня для пьяницы-председателя.

Умер стпарый конь. И опять возникает лирический лейтмотив повести.

Как и другие внесюжетные элементы повости, "Плач верблюдицы" играет в произведении очень важную сюжетно-композиционную роль. Он содействует раскрытию основной идеи повествования, придавая особый лиризм, являясь специфическим фоном, оттеняющим по-человечески тяжёлую, полную драматизма судьбу главного героя.

Внесюжетный элемент "Плач верблюдицы" придаёт напряжённость, внуреннюю динамику почти каждой главе, организуя повесть на временных ритмических и световых контрастах, на постоянно

---

[28] Скобелев, Э. Путь Танабая. / Чингиз Айтматов (Очерки, статьи и рецензии о творчестве писателя). – Фрунзе: Кыргызстан, 1975, с. 211.

нарастающем чувстве тревоги за судьбу Танабая и его верного спутника коня Гульсары.

МОЛИТВА КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СРЕДСТВО[29]

Известно, что одной из важных особенностей поэтики прославленного писателя Чингиза Айтматова является широкое и искусное применение фольклорных мотивов, мифов в своём творчестве.

К мифам и легендам по своему эстетическому назначению в произведениях киргизского писателя близки и такие важнейшие и своеобразные проявления духовной культуры в жизни и творчестве народа: музыка, песня, молитва и плач. Так, в романе «И дольше века длится день» автор, философски осмысливая проблемы человеческого бытия, для раскрытия нравственной состоятельности (или несостоятельности) героев использует **описание похорон** Казангапа; а в центр комплекса обрядов, связанных с проводами усопшего в последний путь, протянувшихся на всём художественном пространстве произведения, поставлена **молитва** как кульминация процесса раскрытия внутреннего мира (что есть в данном случае духовный облик) главного героя.

В связи с этим вспомним, как однажды известный специалист по творчеству Ч. Айтматова, литературовед и философ Г. Гачев, определяя идейно-смысловое значение легенд, преданий, собираемых одним из героев романа «И дольше века длится день» Абуталипом Куттибаевым, назовет их «исповедью для души».[30] Отметим, что это было сказано в годы воинствующего атеизма. А ныне литературовед непременно выделил бы как особенно важное художественное средство раскрытия души

[29] Статья опубликована в журнале "Тил ва адабиёт таълими" (русская версия), 2018, №10.
[30] Гачев, Гергий. Чингиз Айтматов и мировая литература. – Фрунзе: Кыргызстан, 1982, с. 282.

персонажей романа, и молитву, произнесённую главным героем во время похорон своего друга.

Правда, здесь молитва – это не просто и не только заветы пророков, заучиваемые поколениями верующих, но и результат деятельности «людей трудолюбивой души», как писал сам автор в предисловии к своему роману: Едигей примысливает к молитве своё понимание жизни, нравственный опыт, вынесенный из долгих лет нелёгкой жизни. Мысли героя – это его память и совесть. А мыслить всегда тяжело. Мысль личностная, так же как и общественная, всегда представляет собой опасность для устоев унитарного политического режима. И поэтому-то в романе Ч. Айтматова силы, враждебные жизни и человеку, всегда стремятся лишить человека памяти: человеку на голову накладывают шире, а на планету, место обитания всего человечества, натягивают огненный обруч.

Молитва Едыгея полна озабоченности за человека будущего. Сердце главного героя романа гложет глубокая тревога по поводу того, что выросло целое поколение людей бездуховных, не знающих молитв, следовательно, не могущее, когда случается смерть, даже по-человечески предавать тела отцов земле. Эти люди не знают цены человека в жизни, цены жизни вообще, и что, самое страшное, таким людям предстоит править людьми, судьбами человечества. Молитва, точнее, то, что эти люди не знают значения молитвы, показывает, куда, в какую пропасть катится человечество, забывшее о своём предназначении. Недаром предание о кладбище Ана-Бейит, составляющее идейно-композиционное ядро всего повествования, завершается воззванием ко всему человечеству, одновременно и, к каждой личности: «Помни имя своё!» Да, Помни, кто ты! Ты – человек, а не манкурт! И жизнь нужно прожить согласно высоким законам нравственности! – так можно выразить идею произведения, перефразируя возгласы Найман-Ане, гибнущей от руки собственного сына-манкурта.

Молитва играет важную роль и в романе «Плаха», в художественном решении всей проблематики этого произведения. Так, молитва о затопленном корабле включена в повествование для того, чтобы высветить перед читателем нравственную характеристику главного героя, у которого нет цели важней, чем отвратить от зла заблудившихся во тьме жизни людей. Герой готов нести свой крест добровольно и готов до конца жизни нести его во имя спасения душ людей: «...Я живу ради того, чтобы молитву сию произносить, пока я есть на этом свете... В мольбе моей своекорыстия нет — я не прошу и толики благ земных и не молю о продлении дней своих. Лишь о спасении душ людских взывать не перестану... Ты, Всепрощающий, не оставляй в неведении нас, не позволяй нам оправданий искать себе в сомкнутости добра и зла на свете... Прозрение ниспошли людскому роду...»

Данная молитва – объяснение всех поступков, действий Авдия Каллистратова.

Среди молитв, содержащихся в «Плахе», особое место занимает «волчья молитва». Конечно, это не молитва в прямом смысле, на человеческом языке это называется просто - «волчий вой». Но для писателя Айтматова, наделившего своих персонажей-зверей высокими нравственными качествами, это молитва. В тексте молитвы мастерски отражена негаснущая боль в сердце волчицы, лишившейся во второй раз подряд своих волчат из-за человека:

«...Волчица подошла к говорливо булькающему ручью, уныло побродила по бережку, опустив голову, потом присела, поджав хвост, и долго глядела на круглую луну. В ту ночь Акбаре, как никогда четко и ясно, привиделась богиня волков Бюри-Ана, находившаяся на луне. Ее корявый силуэт на поверхности луны был очень похож на саму Акбару — богиня Бюри-Ана сидела там как живая, с откинутым хвостом и раскрытой пастью. Акбаре показалось, что лунная волчица видит и слышит ее. И, высоко задрав морду, она обратилась к богине, плача и жалуясь, и клубы

пара вылетали у нее из пасти: «Взгляни на меня, волчья богиня Бюри-Ана, это я, Акбара, здесь, в холодных горах, несчастная и одинокая. О, как плохо мне! Ты слышишь, как я плачу? Ты слышишь, как я вою и рыдаю, и вся утроба моя горит от боли, а сосцы мои разбухли от молока, и некого вспоить мне, некого вскормить, лишилась я моих волчат. О, где они и что с ними? Сойди же вниз, Бюри-Ана, сойди ко мне, и мы сядем рядышком, повоем, порыдаем вместе. Сойди же вниз, волчья богиня, и я поведу тебя в те края, где я родилась, в степи, где не осталось места для волков. Сойди сюда, в эти каменные горы, где тоже нет нам места, видно, нигде нет места волкам… А если не сойдешь, Бюри-Ана, возьми меня, сирую волчицу, мать Акбару, к себе. И буду я жить на луне, жить с тобой и плакать о земле. О, Бюри-Ана-а-а, слышишь ли ты меня? Услышь, услышь, услышь меня, Бюри-Ана, услышь мой плач!»

Как видим, молитва волчицы Акбары, обречённой на страдания из-за человека, не уступает по силе эмоционального воздействия на читателя молитве о затонувшем корабле. И там и тут эти «документы души» пронизаны болью за землю, которая перестаёт быть местом обитания для живых, куда ни глянь – смерть…

Тут мы можем и должны вспомнить эпиграф к роману «И дольше века длится день»: «И книга эта – вместо моего тела, // И слово это – вместо души моей». Ч. Айтматов взял эти строки из «Книги скорбных песнопений» знаменитого армянского сочинителя X века Григора Нарекаци. Имея в виду, главным образом, именно эту книгу молитв-обращений к богу, Геворг Эмин писал: «Вся поэзия Нарекаци – это внутренний монолог, жгучее слово, обращение к богу во имя совершенства человека…».[31] Нам же остаётся сделать вывод: Предпослав своему роману строки одного из великих мыслителей прошлого, Ч. Айтматов с самого начала настраивает читателя на восприятие романа «И дольше века длится

[31] Эмин, Геворг. Продолжаются нескончаемые песни Армении… /Средевековая Армянская поэзия. –М.: Художественная литература, 1981, с. 9.

день» как крик совести «трудолюбивой души», как моление перед Всевышним за грехи людские. При этом заклинает нас: ПОМНИТЬ, ЧТО МЫ ЛЮДИ!

«ИМАНДУУ АДАМ» ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА[32]

(К 90-летию писателя)

«Многосторонняя деятельность Чингиза Айтматова была посвящена сохранению мира и спокойствия в нашем регионе, его будущему и процветанию, укреплению дружбы и согласия между народами, тому, чтобы защитить их от любых конфликтов и противоречий»

(Из Постановления Президента Республики Узбекистан «О широком праздновании 90-летия со дня рождения великого писателя и общественного деятеля Чингиза Айтматова» от 2 апреля 2-18 года).

Красная нить творческого пути

Едва прочитав заглавие данной статьи, кто-то, кто хорошо знаком с творчеством Ч. Айтматова, сразу может подумать: наверное, это неизвестное произведение пистателя.. И будет, конечно,.. не прав – произведения под таким названием он не писал.

Ташкент. 1983 год. С 26.09.–4.10. здесь проходила VII конференция писателей Азии, Африки и Латинской Америки. Студенту журфака ТашГУ Мусулманову Мамуру (уроженцу Папского района Наманганской области) удаётся подобраться к одному из знаменитых писателей, приехавших на этот форум, и попросить у него автограф. Этим писателем, оказался, отнюдь не случайно, Ч. Айтматов. Мамур, как и все его сверстники, зачитывался такими повестями киргизского писателя, как “Джамиля”,

[32] Статья на основе некоторых ранних заметок написана к 90-летию писателя и опубликована в газете “Наманганская правда”, 3, 10, 17 ноября 2018, №№ 44, 45. 46; на сайте ЦЕНТРАЗИЯ; в сборнике ““Чингиз Айтматов в Намангане. Молодёжный Анджуман”. Составитель и редактор Кодиржон Носиров.

"Тополёк мой в красной косынке", "Белый пароход"., "Прощай, Гульсары!".

Взяв в руки книгу, которую робко протянул своему кумиру будущий журналист, знаменитость, призадумавшись, спрашивает:

-Что написать-то тебе?

-Такое, чтобы я на всю жизнь запомнил, чтобы было мне поучением на всю жизнь, - волнуясь, отвечает молодой человек. И тогда из-под пера великого писателя вышло три слова «Имандуу адам болгун!»[33], звучащие по-народному просто, и в то же время величественно, как завет мудрого старца подрастающему поколению. И в самом деле: те магические слова о благочестии на всю жизнь запали в душу и с тех пор эту книгу известный журналист, редактор газеты «Меъмор ва замон» М. Мусулманов бережёт, как зеницу ока. Иман (или «иман» в киргизском наречии) – это одновременно и вера, и честь, и совесть настоящего человека. Имонли одам – это значит благочестивый человек.

Да, «Имандуу адам» - это название, пожалуй, всему творчеству Чингиза Айтматова. Великий писатель сам тогда так метко выразил ту красную мысль, которую он с честью пронесёт через всё творчество. Мы знаем, что положительный герой Ч. Айтматова – всегда человек чести и совести, верный своему идеалу. Значит, в автографе всего из трёх слов, оставленном некогда в Узбекистане, писатель сформулировал лейтмотив всего своего творчества.

Творчество Чингиза Айтматова – это целый художественный мир, пёстро населённый представителями различных национальностей, религий, цивилизаций, разных эпох, исторически и географически далёких друг от друга. В его произведениях разыгрываются, как на вселенской сцене, великие трагедии из духовной жизни человечества. И звучит молитва-обращение к каждому из нас: «Имандуу адам болгун!»

---

[33] Мусулмонов, Маъмур. Чингиз Айтматов: «Имандуу адам болгун!» //Сухбатдош, 2001, 19 декабря.

Чингиз Айтматов еще при жизни был признан одним из самых выдающихся писателей современности, классиком мировой литературы. Он занял достойное место в ряду самых читаемых писателей на всех континентах земного шара.

Творческий путь Ч. Айтматова начинается в 1952 году с публикации рассказа «Газетчик Дзюйдо». И через какие-то семь-восемь лет он прославился на весь мир своими замечательными лирическими повестями о своих современниках, молодых людях.

В 1963 году за сборник повестей «Повести гор и степей» тридцатипятилетний писатель был удостоен самой высокой премии в бывшем СССР – Ленинской.

В связи с этим событием известный русский писатель Н. Тихонов писал: «Автор этих книг, прошедший большую жизненную школу, вывел своих героев из самых глубин народной жизни. Он с такой непосредственностью, величайшей искренностью и яркостью изобразил их внутренний мир, их характеры, их борьбу за новое в человеке, что привлек внимание самого широкого круга читателей, как в Советском Союзе, так и за рубежом».

Тот же автор писал, что Ч. Айтматов так убедительно рисует картины родной ему киргизской действительности, так любит людей, что лучшие герои его повестей делаются близкими читателю в силу тех высоких и благородных качеств, какими богаты их характеры.

Первая же небольшая повесть Ч. Айтматова «Лицом к лицу» (1957) показала, что писатель способен поднимать самые остросоциальные проблемы и высвечивать нравственные аспекты их решения. Героине повести Сейде потребовалось много дней, чтобы понять, что, когда вся страна боролась с фашистскими захватчиками, дезертировавший из армии ее муж представляет собой общественно опасное явление. Ей стоило много душевных сил, терзаний, чтобы решиться выдать властям отца своего ребенка.

Пожалуй, галерея героев Айтматова, в характеристику которых мы прилагаем слова самого автора «Имандуу адам», особенно ярко высвечена была повестью «Первый учитель» (1962). Это произведение одновременно есть начало в творчестве Ч. Айтматова двух очень важных взаимосвязанных тем. Это – тема памяти и тема ответственности человека за будущее общества, за будущее детей. Учитель Дюйшен, будучи сам малограмотным, считает себя буквально мобилизованным, чтобы научить детей читать и писать, а главное – учить, как жить. (Действия повести происходят в середине 20-х годов.) Преодолевая неимоверные физические трудности, терпя голод и холод, издевательства, он организовывает на месте старой конюшни школу для детей бедноты. Однако, спустя тридцать лет, когда отмечают юбилей школы в новом современном здании, забывают пригласить на торжество бывшего, первого учителя, ныне сельского почтальона.

Основные черты характера Дюйшена – стойкость, бескорыстие и нравственная чистота, верность своему идеалу – будут развиты в героях последующих значительных произведений, каждое из которых становилось событием в бывшей советской литературе, да не только в ней.

Толганай из «Материнского поля» (1963) и Танабай Бакасов из «Прощай, Гульсары!» (1966) – люди пожилого возраста, на склоне лет исповедально размышляющие о многотрудном своем прошлом, что есть одновременно и прошлое страны, общества, о превратностях судьбы, которая не всегда улыбается человеку. Как бы ни складывалась жизнь, эти люди не изменяли своим принципам – благородным, глубоко человечным, вытекающим из общественных интересов. Безмерность их человеколюбия, любви к родной земле, щедрость души и понимание ими своей глубокой и живой связи с родной природой, которая в названных произведениях одухотворена, - вот, что характеризует этих литературных героев, жизненность которых не вызывает у нас сомнений. Кстати, явления природы в этих произведениях, в описании которых Ч. Айтматов искусно

прибегает к антропоморфизму, - не второстепенные герои. Поле в «Материнском поле», Гульсары в «Прощай, Гульсары!» - это неизменные «спутники» человека в его радостях и горестях, нравственное зеркало человеческих деяний. Кроме того, в данных произведениях, особенно в «Прощай, Гульсары!», ярко проявилась важная грань поэтики, таланта писателя – умение глубоко ощущать родство человека-индивида с мифологическим мышлением народа, устно-поэтическими образами. Это качество айтматовского мастерства позже с большой силой проявится в так называемых его повестях о детях для взрослых, а также в романах.

«Ранние журавли» – повесть о подростках военной поры, об их духовном возмужании под непосильно тяжелым бременем, когда им пришлось заменить за плугом отцов, ушедших на фронт. Надо сказать, что юным героям приходилось пересиливать не только не по годам тяжелый труд, но и кое-что другое – зло людское не дремало.

Особое внимание читателей обращают на себя те страницы «Ранних журавлей», где показывается забота старших о нравственном становлении тех, кто придет им на смену.

Именно с этой точки зрения, на мой взгляд, представляются значительными и повести. «Белый пароход» и «Пегий пес, бегущий краем моря», хотя, конечно, не только этим интересны названные произведения.

Имон – это вера в будущее

Дед Момун, один из основных героев «Белого парохода», возможно, никогда и не слышал о педагогике, но чувствует, что он должен прививать внуку, оставленному ему на попечение молодыми родителями, любовь к древним заветам, дошедшим до нас в виде сказок, легенд, мифов. И часто рассказывал сказку-миф о Рогатой Матери-Оленихе, когда-то спасшей их род от гибели – поэтому-то и прозываются эти люди бугинцами (бугу – вид оленя). Так он постоянно внушает Мальчику почтительно-любовное отношение к оленям, к живой природе в целом.

Однако, грубый, жестокий самодур Оразкул, для которого ничего святого на свете нет, во главе нескольких нечистивцев, как и он сам, прекрасно понимая, что такое для старика и Мальчика олений род, руками деда убивает Мать-Олениху, и на глазах больного Мальчика хлесткими и безжалостными ударами топора выбивает рога, разрубив при этом большой чистый светлый застывший в удивлении глаз животного. Так разрушается светлая мечта мальчика, в его глазах мир покрылся мраком. А он, наивный мальчик, мысленно все время обращался к Рогатой Матери-Оленихе с мольбой – принести на рогах колыбель с колокольчиками для будущего ребёнка бездетных дяди Оразкула и тетки Бекей. Он был уверен, что его мечта вот-вот сбудется.

Так безраздельно властвующий на далеком лесном кордоне (а это целый мир для айтматовского маленького героя) деспот безжалостно расправляется со светлой мечтой мальчика, который, при высокой температуре вообразив, что может превратиться в рыбу и доплыть до Белого парохода (а это была другая мечта-сказка мальчика), бросается в студеную воду речки и погибает.

В столкновении изображённой в повести светлой мечты Мальчика о человеческом счастье с омерзительным миром великого зла в лице Оразкула проявляется полная трагизма философия автора: Мальчик – дитя природы, его гибель – это гибель всего прекрасного, что нас окружает.

Однако, несмотря на трагичную развязку, в эпилоге повести автор лирически взволнованно и философски утешительно выражает свое отношение к судьбе героя:

«Ты уплыл, мой мальчик, в сказку свою…

Ты уплыл.

Одно лишь могу сказать теперь – ты отверг то, с чем не мирилась твоя детская душа. И в этом мое утешение. Ты прожил, как молния, однажды сверкнувшая и угасшая. А молнии высекаются небом. А небо вечное. И в этом мое утешение. И в том, что детская совесть в человеке,

как зародыш в зерне, - без зародыша зерно не прорастает. И что бы ни ждало нас на свете, правда пребудет вовеки, пока рождаются и умирают люди…»

Вера в будущее – это работа души на будущее, работа во имя выполнения нравственного долга человеческого.

В повести «Пегий пес, бегущий краем моря» проблема долга, ответственности старшего поколения, в частности, родителей за передачу традиций, заветов отцов детям поставлена в центр повествования, т.е. центр художественно-философских размышлений Айтматова.

Здесь проблема настолько обострена, настолько сужено поле деятельности персонажей (рыбацкая лодка в открытом море, словно застывшем в многодневном тумане), что дальше некуда. Развязка – не в пользу человека. Люди – это мальчик Кириск, его дед, дядя и отец – поставлены перед лицом грозной стихии. Кажется, что они обречены на неминуемую гибель. Однако, этого допустить нельзя! Они в этот раз вышли в море не просто ради охоты, а охота предпринята с целью посвятить маленького Кириска в святое для всех них ремесло – в охотники. Возникший на море многодневный туман, словно не хочет отпускать их. Кончается еда, съедена даже наловленная рыба, иссякает питьевая вода. Люди не знают, сколько дней они уже на море, и еще сколько предстоит.

Литературовед В. Новиков, охарактеризовавший повести Ч. Айтматова как философские, по поводу той, казалось бы, безысходной ситуации на море, отмечает, что здесь писатель, желая показать величие человеческого духа, «предельно обнажает противоречия». «Чем безысходнее делаются обстоятельства, тем сильнее проявляется величие духа простых людей. Писатель оставляет героев наедине со смертью, исследуя вечные для искусства проблемы: как люди поведут себя в этих обстоятельствах? Он стремится дойти до самых глубинных до самых извечных корней в поведении человека, когда, казалось бы, страх перед

смертью, инстинкт самосохранения должен вытеснить все другие чувства».[34]

И, вот, айтматовские герои решаются: чтобы не погибло святое дело, ради которого они вышли в море, чтобы спасти Кириска, кому продолжать дело отцов, чтобы сберечь последние капли пресной воды для потомка, все трое взрослых один за другим бросаются в море. Так, ценою самопожертвования люди спасают свое будущее. Высока цена! Однако Мальчик будет помнить об этом всю жизнь, и стараться быть достойным подвига отцов.

Забота о будущем, **забота о других** – ведущая черта характера героев повестей Ч. Айтматова – выступает главной жизненной линией и героев многоплановых, широких художественных полотен, четырех философских романов. Цель эта напрямую связана с проблемой исторической памяти.

Имон – это добродетель

В романе «И дольше века длится день» проблема памяти расширяется и углубляется до вселенского значения. Зло, обручем охватывая все человечество, медленно, но ощутимо выгравливает память, лишает его воли. С этим романом Ч. Айтматова в мировое сознание вошло страшное понятие «манкурт» (человек, насильственно лишенный памяти; точнее – это уже не человек, а чучело, набитое соломой.)

В предисловии к роману сам автор писал: «Если человечество не научится жить в мире, оно погибнет. Атмосфера взаимного недоверия, настороженности, конфронтации есть одна из самых опасных угроз спокойной и счастливой жизни человечества...». Подчеркивая мысль о том, что необходимым фактором для благополучия человеческого общества является осознание своей исторической связи с прошлым. «Человек без памяти прошлого, поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического

[34] Новиков В. Движение истории – движение литературы. –М.: Советский писатель, 1979, с. 461.

опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем».

На мой взгляд, в первом романе Ч. Айтматова важен не столько протест против насильственного лишения человека памяти, превращая его в манкурта (Джоламон), сколько решительно непримиримое отношение в лице Едигея и Абуталипа к добровольному манкуртству, наблюдающегося в современном человеке (образ Сабитжона).

В романе «Плаха» (1986) значительно углубляется идея заботы о других на фоне борьбы со злом. Используя евангельский сюжет, а также, введя относительно самостоятельную сюжетную линию о волках (наряду с основными двумя обыкновенными, если позволительно так называть сюжеты о людях) Айтматов дал почувствовать нам, насколько углубилась и усложнилась эта извечная борьба между добром и злом.

Главный герой романа Авдий Каллистратов – само воплощение добродетели. Он глубоко сознает, что предназначение его – забота о людях. Мне кажется, что Авдий Каллистратов – лучшее воплощение идеи «Красота спасет мир» (красота помыслов, красота поступков) во всей литературе 20 века. Он, как и его учитель Иисус, уверен в том, что в каждом, в любом человеке, сокрыта доброта, что даже отъявленных наркоманов, бандитов, с кем судьба его сталкивает, можно спасти, повернуть на путь истины. Убежденный в правоте своей идеи, он смело идет на любой риск, сознательно идет на самопожертвование. Однако люди, чьи души он пытался спасти, жестоко избивают его и вешают. Казнь Авдия – это фактически плаха для всего человечества, не верящего в добродетель.

Изображенная в «Плахе» судьба волчьего рода, которому угрожает полным истреблением потребительско-варварское отношение современного человека к природе, показывает, насколько даже дикие звери заботливее относятся к своему будущему, чем человечество в целом.

Роман «Плаха» сразу же после его публикации был охарактеризован литературной критикой как роман-предупреждение.

Предупреждение человечеству о грядущей глобальной катастрофе с еще большей силой прозвучало в романе «Тавро Кассандры» (1996).

Силы зла по всему свету плетут сети заговора против человечества, придумывают один другого страшнее и изощреннее способы держать весь мир в тисках. Но, все же есть праведники, которые, рискуя жизнями, указывают людям путь истины, предостерегают об опасностях. Однако трагедия человечества заключается в том, что оно не верит в праведное слово, а зло ловко манипулирует толпой, направляет ее на праведников.

Важной особенностью сюжета «Тавро Кассандры» является то, что, если в предыдущих произведениях мы видим ясно очерченные конфликтующие силы, явления, то в этом произведении в этом отношении дело обстоит намного сложнее: поле конфронтации противоборствующих сил сузилось до… чрева матери.

Силою фантазии писателя Айтматова устанавливается, что многие эмбрионы сигнализируют, что не хотят появиться на свет, ибо знают, что им уготовлено судьбой. Они опасаются тех злодеяний, которые вынуждены будут совершать, если все-таки они родятся. Может быть, когда-то Гитлер и Сталин также сигнализировали из утробы своих матерей.

Однако беременные женщины, а рядом и отцы будущих детей, слышать не хотят о каких-то сигнализирующих о себе кассандра-эмбрионах и решительно и безжалостно растерзали одного из двух ученых, пытавшихся рассказать людям о страшном грядущем. Другой, находящийся в космическом корабле, видя тщетность своих стараний, на виду у обезумевшей мировой толпы-зрителя шагнет в открытый космос.

Таким образом, Ч. Айтматов в своем произведении ярко показал терзание тревожной мысли двух видных ученых – Роберта Борка и Андрея Крыльцова, перед которыми приоткрылась завеса на будущее

человечества. Трагизм обстоятельства заключается в том, что те, кого предупреждают ученые о грядущих опасностях, не вняв, обрекли провидцев на смерть.

Галерею добродетелей в творчестве Ч. Айтматова замыкает колоритная фигура журналиста Арсена Саманчина из последнего романа писателя «Когда падают горы» («Вечная невеста»), опубликованного в 2006 году. Основные действия произведения происходят в тяньшаньских горах, где пересекаются трагические пути двух страдающих существ: человека и барса. Герой ценой своей жизни предотвращает очень серьёзный международный конфликт, спасая при этом от неминуемой гибели многие жизни – жизни природы и людей.

Таким образом, Ч. Айтматов и в последнем своем произведении остался верен своим идеям, своему стилю, своему нравственному принципу, выраженному в автографе «Имандуу адам болгун».

МЫ, УЗБЕКИСТАНЦЫ, ЛЮБИМ ЕГО, КАК СВОЕГО ПИСАТЕЛЯ[35]

Мне как организатору Анджумана «Чингиз Айтматов в Намангане» хочется, **прежде всего,** с удовлетворением отметить, что в процессе подготовки нынешнего юбилейного мероприятия нашему клубу удалось приобщить определённое количество молодых людей к прекрасному художественному миру, название которого «Чингиз Айматов». Несколькими месяцами раньше мы такого же успеха добивались проведённым нами первого в истории узбекистанской Пушкинианы конкурса чтецов произведений А.С. Пушкина «Заветная лира». После этого к нам в клуб нет-нет да заходят студенты, чтобы посоветоваться, что

[35] Настоящая статья подготовлена на основе выступления председателя Клуба "Заветная Лира" Кодиржона Носирова на открытии Молодёжного анджумана "Чингиз Айтматов в Намангане" (12 декабря 2018 г.)

учить к очередному пушкинскому конкурсу, делятся впечатлениями о новом прочитанном. Это, конечно же, приятно. Значит, молодые люди почувствовали вкус к художественному чтению. Следовательно, мы по праву можем гордиться, что деятельность нашего клуба пусть тоненьким, но, всё же, полезным ручейком вливается в общее движение «Юный книголюб», начавшееся в нашей Республике благодаря Постановлениям и личным указаниям Президента нашей Республики Ш.М. Мирзиёева. После принятия же Президентом специального Постановления «О широком праздновании 90-летия со дня рождения великого писателя и общественного деятеля Чингиза Айтматова», как говорится, сам Бог велел нам организовать подобающее высокому имени мероприятие.

Надо сказать, что мы в Намангане, в Клубе «Заветная Лира» по собственной инициативе отмечали и семидесятилетие, и восьмидесятилетие Ч. Айтматова. Творчество этого писателя заслуживает того, чтобы мы в своей педагогической деятельности как можно чаще обращались к его произведениям. Правда, созданные писателем замечательные по силе художественной выразительности образы у читателей, да и у литературной критики порою вызывают разные толки, споры. Однако все сходятся в одном: его произведения никого не оставляют равнодушными. На наш взгляд, эту мысль точнее было бы выразить так: **Есть, кто ещё не читал произведений Ч. Айтматова, но нигде не найдётся человека, кто, прочитав хотя бы одну книгу этого писателя, остался бы равнодушным к его творчеству.**

Чингиза Айтматова сравнивают с Л. Толстым, с А.С. Пушкиным и даже с Шекспиром; признают его одним из корифеев мировой литературы. Более того, по мнению известного русского философа, литературоведа и литературного критика Георгия Гачева, Чингиз Айтматов стал «одним из первостепенных творцов золотой эпохи культуры» XX века.[36] Мне же

---

[36] См. об этом в кн.:М.О.Шарафутдинова, А.Х.Саидов, П.М.Мирза-Ахмедова Художественная концепция и критическая мысль в контексте национальной и мировой традиции. –Ташкент: Фан, 2009, с.125.

лично ближе сравнение Айтматова с Алишером Навоий. Известный киргизский учёный Рустан Рахманалиев по этому поводу пишет так: «Тюркский мир, почти через пятьсот лет после Алишера Навоий, являет всемирному литературному олимпу Чингиза Айтматова»[37]. В этом сравнении мне видится, с одной стороны, признание родства, единства узбекского и киргизского народов, с другой – демонстрация непреходящего значения древних духовно-эстетических традиций художественно-философской мысли тюркских народов, достойным продолжателем которых является Чингиз Айтматов.

Одним словом, Чингиза Айтматова мы, узбекистанцы, любим, как своего писателя! И поэтому мы смело назвали нынешнее юбилейное мероприятие «Чингиз Айтматов в Намангане». Поэтому поводу меня уже с удивлением спрашивали: Разве Ч. Айтматов бывал в Намангане? Возможно, среди присутствующих в зале тоже кто-то задаётся этим вопросом. Я на этот логичный вопрос отвечу так: Ч. Айтматов в качестве корреспондента центральных газет бывшего союза неоднократно совершал поездки по нашей республике и писал интересные статьи о трудовых буднях, о культуре нашего народа. Поэтому, мы считаем, что не исключено, что он мог останавливаться и в нашем городе. Однако основная же причина, побудившая меня использовать выражение «Чингиз Айтматов в Намангане», является автограф писателя, подаренный великой личностью вовремя своего пребывания в 1983 году в Ташкенте студенту журфака ТашГУ Мамуру Мусулманову, - **«Имандуу адам болгун». В этих трёх словах писатель сумел выразить центральную идею всего своего творчества. Имон – это вера, честь и совесть вместе взятые. Айтматовский** автограф-заклинание можно перевести как: **“Будь совестливым человеком”.** И эти простые, в то же время высокие слова

[37] Рахманалиев, Рустан. Жизнь, равная вселенной (Философия творчества Чингиза Айтматова). /Чингиз Айтматов. Избранное в двух томах. Т.1. –М: 1998, с.23.

ныне живут в Намангане, рядом с нами! И я с трепетом в душе нанёс их на портрете, специально изготовленном к юбилею Великого мыслителя.

И ещё: мои русскоязычные коллеги интересуются, почему я назвал сегодняшнее мероприятие непривычным для этой среды словом –

А НДЖУМАН? По правде говоря, я долго не находил правильного термина для выражения своего замысла. Традиционное для таких случаев слово «конференция» не подходило, так как я задумал нечто другое, чем обычная конференция. Поэтому я перебрал все возможные варианты: научно-практическая конференция, форум, фестиваль… А профессор Т.Ф. Файзуллаев, мой глубокоуважаемый наставник, заметил: «Почему бы не назвать «анджуманом»? Поначалу я с ним тоже не согласился. Позже, подумав, принял данное персидское слово, одно из значений которого гласит: периодические встречи, съезды людей одной профессии, коллег для обмена мнениями по интересующим всех вопросам; при этом научные доклады не предполагаются. Правда, мы своей программой в определённой степени расширили традиционное содержание данного понятия, следовательно, и слова. Мы, не ограничившись нынешним мероприятием, мечтаем о ежегодных подобных встречах коллег; а наши студенты – это наши коллеги! Правда, думаю, что Турсунбой Файзуллаевич, наверное, не предполагал, что я употреблю слово «анджуман» в русском контексте без перевода. Так я поступил потому, что в русском языке я не нашёл адекватного своему замыслу термина. К тому же, как известно, подобные слова относятся к разряду непереводимой лексики. Иначе говоря, я в данной конкретной ситуации осмелился ввести в русский язык необходимое иноязычное слово.

БЫЛ БОЛЬШИМ ДРУГОМ УЗБЕКСКОГО НАРОДА[38]

Великий писатель Чингиз Айтматов оставил после себя огромное литературное наследие, посвящённое вечным вопросам человеческого бытия. Почти все, кто пишет и говорит ныне об Айтматове во всём мире, утверждают, что его произведения никого не оставляют равнодушным. На наш взгляд, правильнее было бы сказать так: **Есть, кто ещё не читал произведений Ч. Айтматова, но нигде не найдётся человека, кто, прочитав хотя бы одну книгу этого писателя, оставался бы равнодушным к его творчеству**. Основной причиной популярности является то, что этот писатель всегда поднимал самые животрепешущие общечеловеческик нравственные проблемы и при этом часто предлагает весьма неожиданные их интерпретации применительно к конкретным реалиям, социальным вопросам современности.

Мы можем констатировать, что Айтматов хорошо читается и у нас в республике. Почти все его произведения переведены на узбекский язык и стали культурным достоянием нашего народа. Переложением на узбекский язык замечательных лирических повестей и философских романов Чингиза Айтматова занимаются лучшие мастера нашей переводческой школы: Асил Рашидов, Иброхим Гафуров, Суюн Караев и другие. Книги его у нас переиздавались неоднократно и переиздаются. Пьесы по произведениям Ч. Айтматова игрались и играются в лучших театрах нашей Республики, ставятся и на любительских сценах.

Не лишне заметить, первый номер единственного в Центральной Азии журнала «Жахон адабиёти» («Всемирная литература»), издающегося на узбекском языке, также открывался произведением «Плач охотника над пропастью», написанным Чингизом Айтматовым в соавторстве с казахским писателем Мухтаром Шахановым.

---

[38]Данная статья написана к 90-летию Ч.Айтматова в соавторстве с Элёром Абдулвохидовым.

Великий киргизский писатель с большим уважением относился к узбекскому народу, к его истории, высоко ценил нашу культуру. Он очень тепло писал о наших достижениях, об историко-культурных ценностях. В частности, в статье "Золотые ворота", опубликованной в газете "Известия" за 1 августа 1969 года, он с восхищением отзывался о великолепных памятниках зодчества Бухары, Самарканда и Хивы, являющихся бесценными образцами архитектуры Восточного Ренессанса. "Есть в Средней Азии города-реликвии: Бухара, Самарканд, Хива. Куда бы ни поехал, везде в мире их знают... Культура зодчества наших предков в этих городах была настолько высокой,.. что пробившись через толщу веков, она удивляет нас так же, как удивляла современников"[39]. Обратим внимание на то, что публицист подчеркивает "наши предки". Это тоже указывает на отношение Ч. Айтматова к узбекскому народу, почитание его как своего и признание общности историко-культурных корней киргизского и узбекского народов.

Вдохновенно, на торжественно-лирических тонах публицист Ч. Айтматов воспел титанический труд наших хлопкоробов в статье «Лунная дорога из хлопка», опубликованной в 1964 году в двух номерах «Правды» (9-10 ноября), главной газеты бывшего Союза. «Протяженность этого космического состава достигнет Луны четыре раза туда и обратно. Тут нет никакого фантастического вымысла. Так подсчитал академик Кары Ниязов... Узбекский бутон хлопка – это целая история социальных и экономических преобразований края, в этом национальный гений узбекского народа, его талант и трудолюбие»[40], - пишет он.

Имея в виду значение узбекской духовной культуры для народов Центральной Азии, Ч. Айтматов признательно говорил: «Узбекистан сыграл в судьбах среднеазиатских народов такую же роль, что Византия в судьбах славянских народов».

---

[39]Цитируется по книге: Айтматов Ч. В соавторстве с землею и водою... -Фрунзе: Кыргызстан, 1979, с.125-126.

[40] Айтматов Ч. В соавторстве с землею и водою...Фрунзе Кыргызстан, 1979, с.28.

Велика заслуга Ч. Айтматова в укреплении дружеских связей между узбекским и киргизскими народами. Мы с благодарностью вспоминаем, как он вместе с известными узбекскими писателями Одылем Якубовым и Примкулом Кадыровым, с которыми состоял в близких дружеских отношениях, активно участвовал в успокоении общественной обстановки в некоторых районах Кыргызстана, когда там возникли некоторые социально-культурные, политические проблемы между этническими узбеками и кыргызами. Недаром в принятом 2 апреля 2018 года Постановлении Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева «О широком праздновании 90-летия со дня рождения великого писателя и общественного деятеля Чингиза Айтматова» говорится: «Многосторонняя деятельность Чингиза Айтматова была посвящена сохранению мира и спокойствия в нашем регионе, его будущему и процветанию, укреплению дружбы и согласия между народами, тому, чтобы защитить их от любых конфликтов и противоречий».

Во время организованных в 80-е годы прошлого века бывшим Центром политических кампаний, известных как “узбекское дело” или “хлопковое дело”, Чингиз Айтматов, обладавший обострённым чувством справедливости, с высоких трибун мужественно защищал честь и достоинство нашего народа.

Чингиз Айтматов был хорошо знаком с узбекской литературой. Так, он с большой теплотой отзывался об исторических романах Адыла Якубова "Сокровищница Улугбека" и Пиримкула Кадырова "Бабур". Высоко ценил творчество Ойбека, Гафура Гуляма, Абдуллы Каххара. Как свидетельствовал Герой Узбекистана, известный наш писатель и учёный Озод Шарафутдинов, Чингиз Айтматов с большим интересом и вниманием следил за творчеством Саида Ахмада, Ульмаса Умарбекова, Абдуллы Арипова, Эркина Вахидова и других.

В знак огромного уважения народа Узбекистана Чингиз Айтматов у нас награжден орденами “Дустлик” и “Буюк хизматлари учун”.

Тот факт, что по инициативе Президента нашей Республики Ш.М. Мирзиёева широко отмечается у нас 90-летие Ч. Айтматова, есть свидетельство достижения желанной позитивной ступени в развитии дружественных взаимоотношений между узбекским и кыргызским народами. Мы уверены, что это благоприятный залог для дальнейшего укрепления межгосударственных связей на принципах добрососедства.

СВОЕОБРАЗНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ[41]

Я как инициатор и организатор Регионального Молодёжного Анджумана "Чингиз Айтматов в Намангане", а также как составитель данной книги считаю необходимым высказать в послесловии нескоторые, пусть пока ещё не совсем устоявшиеся мнения по поводу сложившегося сборника материалов проведённого мероприятия.

Прежде всего, отметим, что Анджуман, в котором приняли участие, кроме студентов НамГУ, ряд юных исследователей из городов Ташкента, Бухары и Андижана, является со стороны членов молодёжного поэтического клуба знаком почтения памяти великого писателя в день его 90-летия. В то же время, есть основание считать прошедший Анджуман своеобразным педагогическим экспериментом, ибо материалы его: сочинения, статьи студентов, учащихся лицеев, колледжей и школ – неожиданно для нас высветили некоторые проблемы, связанные с восприятием произведений киргизского писателя. Нам, педагогам, проблемы эти обходить не следует.

Даже самое поверхностное знакомство с материалами сборника показывает, что восприятие того или иного конкретного произведения писателя сопряжено с целым рядом вопросов, для пояснения которых необходимы соответствующие философские, филологические,

[41] Статья была написана как послесловие к сборнику материалов «Чингиз Айтматов в Намангане. Молодёжный анджуман». –Наманган: 2019.

исторические, психолого-педагогические комментарии преподавателя. А более внимательное, профессиональное исследование, я думаю, поможет превратить эти самые проблемы в подспорье для преодоления трудностей на пути изучения произведений классика мировой литературы.

Укажем на некоторые из этих проблем:

1. Необходимость учёта влияния возрастных особенностей читателей при изучении произведений Ч. Айтматова.

2. Фактор взаимовлияния национальной психологии и национально-культурных традиций обеих сторон (читателя и инонациональной литературы) на процесс вопрятия произведений Ч. Айтматова.

3. Влияние социально-исторических факторов на процесс восприятия произведений Ч. Айтматова.

4. Целый ряд проблем лингвистического харатера: интерференция родного языка, отсутствие учёта близкородственных связей узбекского и киргизского языков, неточные переводы, невнимание к айтматовскому билингвизму и другие.

5. Недостаточная реализация богатых возможностей нравственного воспитания молодёжи, содержащихся в произведениях Ч. Айтматова.

6. Отсутствие разработки специальных интерактивных технологий обучения и воспитания с учётом особенностей творчества Ч. Айтматова.

Эти и другие филолого-педагогические проблемы требуют к себе отдельного внимания, обстоятельного научно-методического исследования. Следовательно, можно с уверенностью говорить о том, что наш сборник вполне может стать объектом для изучения подобных вопросов. Пока же мы остановимся на одном-двух примерах лингвистического характера.

Так, авторы конкурсных сочинений на узбекском языке часто приводят следующее высказывание известного айтматововеда академика Р.Рахманалиева: *"Туркий дунё вакиллари ичидан Алишер Навоийдан кейин беш юз йил ўтиб, фақат Айтматовгина адабиёт чўққисига кўтарила*

олди". Это, без сомнения, неточный перевод, из которого вытекает мысль: Спустя 500 лет после Алишера Навои лишь Айтматову удалось подняться на такую высоту литературного процесса; киргизский писатель обогнал всех тюркоязычных братьев по перу. Естественно, такой перевод искажает в сознании юных читателей представление о месте Ч. Айтматова в истории мировой литературы. Может сложиться мнение об этом киргизском писателе как нечто обособленном от других тюркоязычных литератур явлении.

Теперь обратимся к оригиналу высказывания Р. Рахманалиева: *"Тюркский мир, почти через 500 лет после Алишера Навои, являет всемирному литературному олимпу Чингиза Айтматова"*.[42]

Здесь содержится глубокая мысль: о том, что Алишер Навои и Ч. Айтматов – плоды одного древа литературы тюркского мира; о том, что киргизский писател сумел воплотить в своём творчестве весь историко-эстетический опыт общей для всех тюркоязычных народов литературы, что художественный опыт тюркоязычного мира явился Ч.Айтматову трамплином, с которого он совершил взлёт на всемирный литературный олимп; о том, что Алишер Навои и Чингиз Айтматов есть редчайшие явления художественной мысли, которые рождаются один раз в полтысячелетия. Исходя из этого, на мой взгляд, правильней было бы перевести цитату из Р. Рахманалиева на узбекский язык следующим образом: *"Туркий дунё, Алишер Навоийдан сўнг 500 йил ўтиб, жаҳон адабиёти шоҳсупасига Чингиз Айтамовни кўтарди"*.

При чтении сочинений и статей мы обратили внимание ещё на одну проблему перевода. Это – укоренившаяся в практике узбекского художественного перевода неправильная традиция, что можно было бы назвать обузбечиванием собственных имен из близкородственных языков. Например, киргизские имена *Данияр, Иляс, Асель, Қадича, Сеит, Садик,*

---

[42] Рахманалиев, Рустан. "Жизнь, равная вселенной". Философия творчества Чингиза Айтматова. / Чингиз Айтматов. Избранное в двух томах. –М: 1998, с. 23.

Байтемир благополучно трансформировались благодаря нашему переводчику в узбекские: *Дониёр, Илёс, Асал, Ҳадича, Саид, Содиқ, Бойтемир*. Правильно ли это? Какая разница? Разница – в национальном оттенке.

Дело в том, что читатель, учащийся вместе с именем литературного героя в определённой степени воспринимает инонациональный дух. Иначе говоря, через имя в сознание читателя незаметно входит инонациональный образ. Поэтому переводчику следует быть предельно внимательным при воспроизведении формы инноциональных имён в переводящем языке, осторожно подбирать способы их пернедачи с одного языка на другой, по возможности нужно сохранять форму чужого имени. В противном случае, пострадает национальное своеобразие переводимого произведения. Следовательно, желательно сохранять правописание киргизских имён в переводе в форме, как можно близкой к оригиналу: Данияр, Иляс, Асел, Қадича, Сеит, Садиқ, Байтемир.

Можно ещё привести пример неточного переложения на узбекский язык, мешающий формированию правильного представления о поэтике Чингиза Айтматова. Например, немало удивления вызывает перевод строки-названия народной песни "Шёлковым платком помашу тебе" из повести "Джамиля" как „Шоҳи рўмолинг боғлаб, ёнимда юрсанг яйраб…". Это ни на что не похоже: ни на киргизское, ни на узбекское.

При чтении статей и сочинений, включённых в настоящий сборник, либо при использовании их как экспериментальный материал в соответствующем исследовании, следует учитывать одну важную особенность их. Дело в том, что в заблаговременно распространённом информационном сообщении о проведении конкурса в рамках Анджумана, было оговорено, что основным критерием отбора лучших работ для включения в сборник является самостоятельность их выполнения; т.е. предпочтение будет отдано тем работам, в которых авторы, не прикрываясь избитыми хрестоматийными текстами, не пользуясь

электронными шпаргалками, не прибегая к витиеватым, заумным цитатам из академических изданий (это тоже, конечно, надо уметь), выразят свои, пусть наивные, но собственные впечатления, искренние мысли по поводу прочитанного произведения. Именно благодаря такому критерию в этом сборнике мы имеем материал, который может стать предметом научно-методических исследований, выводов.

В тех же целях, т.е. для обеспечения отдельным студентам отделения русского языка, пока ещё недостаточно владеющим языковыми навыками по выбранной специальности для свободного изложения своих мыслей, разрешили писать сочинения на родном языке. Кроме того, при отборе лучших сочинений и статей для включения в сборник мы почти не обращали внимания на незначительные, негрубые орфографические и стилистические ошибки – для нас важно было содержание.

Дорогой читатель, вы, конечно, уже обратили внимание на то, что сборник наш двуязычный (русско-узбекский). Мы уверены, что вы к этому факту отнеслись с пониманием – за что мы вам благодарны. Поскольку участники айтматовского Анджумана являются носителями узбекского и русского языков, естественно, что и сборник должен был получиться двуязычным. И педагоги, и студенты, и учащиеся имеют возможность читать основные материалы на своём языке.

Кроме того, отдельные статьи представлены и на русском, и на узбекском языках. В частности, "Мухаббат таронаси", "Мелодия любви" (Авторы: К.Носиров, Г.Джураева; оба варианта были написаны 20 лет тому назад), а также "Послесловие", которое вы сейчас читаете. Почему так поступили? Мы решили носителям обоих языков показать своё отношение, читательско-педагогическую позицию в отношении повести "Джамиля", которая вызвала среди участников Анджумана бурную дискуссию. При этом свои статьи двадцатилетней давности мы оставили без изменений.

На трёх языках – узбекском, русском и немецком – можно будет прочитать эссе профессора НамГУ С. Сайдалиева "Что означает имя

“Джамиля”? (или “Джамиля” глазами европейского читателя). Выполненная в свободной манере этот материал наше внимание привлек тем, что в нём содержится мнение немецкого профессора (не литературовед) о только что упомянутой повести Ч. Айтматова. Нам кажется, что это мнение заслуживает внимания. Я сам, по собственной инициативе решил перевести данное эссе на русский, и включить в сборник – нашим читателям будет интересно узнать мнение зарубежного читателя. А потом уже С. Сайдалиев перевёл свой материал с моего русского на немецкий. Сказал, что хочет послать в Германию. Доброе намерение.

В общем, данная книга есть результат проведённого нами регионального молодёжного Анджумана в честь 90-летия великого писателя, нашего любимого Чингиза Айтматова. Вместе с тем, смеем утверждать, что она, одновременно, есть начало научно-исследовательского пути некоторых молодых педагогов. Так, преподаватель кафедры русского языка и литературы НамГУ, автор одной из включённых в сборник статей Э. Абдулвохидов, сразу же после Анджумана изъявил желание начать докторскую диссертациию по Ч. Айтматову и выбрал для этой цели тему “Педагогическая концепция Чингиза Айтматова”. И успел закрепиться в качестве соискателя. Заметим, что этот молодой человек начал интересоваться Ч. Айтматовым со студенческих лет: и курсовую, и выпускную квалификационную, и магистерскую диссертацию выполнял по его творчеству. Пожелаем ему удачи и на этот раз!

Желаем успехов и всем другим молодым людям, кто захочет по материалам нашего сборника начать научное исследование!

«ВОЛЧЬИ НЕЖНОСТИ» В УЗБЕКСКОМ ПЕРЕВОДЕ[43]

Признаться, над вопросами перевода Ч. Айтматова на узбекский язык я ранее не задумывался. Это, может быть, оттого, что его произведения я читаю исключительно на русском языке. Однако недавно, в процессе подготовки к изданию сборника материалов Регионального молодёжного анджумана «Чингиз Айтматов в Намангане», посвящённого 90-летию великого писателя, стал замечать некоторые случаи неправильного толкования молодыми читателями поступков некоторых героев произведений киргизского прозаика. На мой взгляд, это последствия отдельных неточностей, встречающихся в переводах на узбекский язык. Более того, доцент С.Сайдалиев, ранее читавший роман «Плаха» на русском, а сейчас решивший ознакомиться с этой замечательной книгой и на родном языке, недавно обратил моё внимание на архивульгарное слово «канджик», встретившееся ему в узбекском переводе; это в отношении волчицы Акбары. Мой друг, будучи знакомым со стилем Айтматова, уверен, что этот писатель не мог сказать о своей героине так грубо. И вправду, автор, с такой любовью рисующий образ волчицы, не позволил бы себе такого.

Как известно, и любовь, и нелюбовь писателя к персонажам, т.е. авторская оценка, выражается в языке произведения.

В романе «Плаха» Ч.Айтматов тему волков целенаправленно, противопоставляет «людским», если позволительно так сказать. Волки у Айтматова – самые положительные герои. Взаимоотношения этих четвероногих персонажей благодаря высокому искусству автора одухотворены удивительным образом. Звери наделены всеми психическими свойствами, характерными двуногим животным, обладающим разумом. Мы видим, как волки мыслят, любят, страдают,

---

[43] Настоящая статья была написана специально для научного семинара «Красота языка», проведённого в Наманганском госуниверсите Клубом «Радость общения» под руководством профессора Ф. Габдулкакова, и опубликована в сборнике «Материалы регионального семинара «Красота языка». – Наманган: 2019.

горюют, вспоминают. Они испытывают чувство радости, счастья, страха, ответственности за своё потомство, и, наконец, говорят. Правда, последним, наиболее популярным приёмом олицетворения, Ч.Айтматов не злоупотребляет: речь-монолог волчицы мы слышим всего один раз. Зато способностью мыслить герои-звери киргизского писателя наделены в высшей степени. В связи с этим уместно было бы прибегнуть к распространённому в литературоведении выражению о глубоком проникновении писателя во внутренний мир своих героев, правда, применяемому в отношении персонажа-человека. Это «проникновение» выражено в удивительно пластичном языке повествователя.

Уместно вспомнить, что художественную литературу ещё называют «беллетристикой», что в переводе с французского означает «изящная словесность», «красивое слово». Красота художественного слова – это «такое сочетание различных материалов,.. звуков, красок, слов, которое придаёт созданному… (образу – К.Н.) человеком-мастером форму, действующую на чувство и разум как сила, возбуждающая в людях удивление, гордость и радость пред их способностью к творчеству. Подлинная красота языка, действующая как сила, создаётся точностью, ясностью, звучностью слов, которые оформляют картины, характеры, идеи книг».[44]

Так, возможности художественного слова мастерски демонстрирует в романе «Плаха» Ч.Айтматов. Благодаря этому в одном эпизоде мы видим, как страх матери-волчицы перед приближающейся со стороны человека бедой чувствуют даже ещё не родившиеся детёныши. Они волнуются во чреве матери. А это передаётся обратно матери: «Прислушиваясь к тому, что творилось помимо воли в её ожившей утробе, Акбара заволновалась. Сердце волчицы учащённо заколотилось, её наполнили отвага, решимость непременно защитить, оградить от опасности тех, кого она вынашивала в себе. Сейчас бы она, не

[44] Горький, М. О социалистическом реализме. –М: ГИХЛ, 1953, с. 5.

задумываясь, схватилась с кем угодно. В ней заговорили великий природный инстинкт сохранения потомства. И тут же Акбара почувствовала, как на неё горячей волной нахлынула нежность – потребность приласкать, пригреть будущих сосунков, отдавать им своё молоко так, как если бы они были под боком. То было предощущение счастья. И она прикрыла глаза, застонала от неги, от ожидания молока в набухших до красноты, крупных, выступающих двумя рядами по брюху сосцах, и томно, медленно-медленно потянулась всем телом, насколько позволяло логово, и, окончательно успокоившись, снова придвинулась к своему сивогривому Тайчайнару. Он был могуч, шкура его была тепла, густа и упруга. И даже он, угрюмец Ташчайнар, и тот уловил, что испытывала она, мать-волчица, и каким-то чутьём понял, что происходило в её утробе, и тоже, должно быть, был тронут этим. Поставив ухо торчком, Ташчайнар приподнял свою угловатую, тяжеловесную голову, и в сумрачном взоре холодных зрачков его глубоко посаженных тёмных глаз промелькнула какая-то тень, какое-то смутное приятное предчувствие. И он сдержанно заурчал, прихрапывая и покашливая, выражая так доброе своё расположение и готовность беспрекословно слушаться *синеглазую волчицу* (курсив наш – К.Н.) и оберегать её, и принялся старательно, ласково облизывать голову Акбары, особенно её сияющие синие глаза и нос, широким, тёплым, влажным языком».[45]

Приведённый нами фрагмент из романа «Плаха» свидетельствует о поистине искусном владении автором всей палитрой словесного материала, о подлинной пластичности авторского языка. Волчьи нежности, изображённые писателем, никого не оставляют равнодушным. Мы невольно проникаемся айтматовской симпатией к этим зверям, сопереживаем им в их горе. Можно сказать даже, что благодаря изяществу

[45] Айтматов, Чингиз. Плаха. –М: Молодая гвардия, 1987, с. 17.

айтматовского слова мы, как будто, забываем, что перед нами опасные для человека хищники. И на этом фоне, ярче высвечивается отрицательная характеристика писателя по отношению к людскому нравственному уродству в романе в целом.

Теперь приведём фрагмент из перевода:

«У (Тошчайнар – К.Н.) оҳиста томоғини кириб, йўталгандай ириллади. Шу билан у жуфтига меҳр-оқибатини, уни ҳар қандай бало-қазолардан ҳимоя қилишга тайёр эканлигини, *кўк кўз қанжиғига* (курсив бизники –Қ.Н.) ғинг демай бўйсинишини изҳор этди ва шундан сўнг Акбаранинг бошини, айникса, унинг порлаб турган кўк кўзлари ҳамда тумшуғини катта, иссиқ сўлакайи оқиб турган тили билан эркалаб ялаб-юлқай кетди».[46]

Как видим, от «волчьих нежностей» в переводе мало что осталось. Более того, если выше мы подчёркивали, что благодаря изяществу айтматовского слова изображение волчьего поведения, состояния волчьей души настолько получается умилительным, что словно забываем, что перед нами звери, то здесь, наоборот, переводчик нас, как будто сознательно, приземляет, даёт понять, что мы находимся в логове волков.

Замечать недостатки легче всего. Точнее, наоборот, нелегко говорить о каких бы то ни было неточностях в чужом переводе, тем более в работе такого известного мастера слова, каким, безусловно, является Ибрагим Гафуров, признанный высокий авторитет в искусстве перевода. Но недаром русские говорят: «Со стороны виднее».

Мы позволим себе предложить альтернативу выражению «кўк кўз қанжиғига»: «мовийкўз модасига», ещё лучше - «мовийкўз Акбарасига». При этом мы во избежание тавтологии предлагаем замену последующего имени «Акбаранинг» термином, обозначающим женский род вида,

[46] Айтматов, Чингиз. Қиёмат. –Тошкент: Янги аср авлоди, 2018, 7 б.

«модасининг». Итак, попробуем вставить свою альтернативу в контекст перевода: «У (Тошчайнар – К.Н.) оҳиста томоғини қириб, йўталгандай ириллади. Шу билан у жуфтига меҳр-оқибатини, уни ҳар қандай бало-казолардан ҳимоя қилишга тайёр эканлигини, *мовийкўз Акбарасига* ғинг демай бўйсинишини изҳор этди ва шундан сўнг *модасининг* бошини, айниқса, унинг порлаб турган кўк кўзлари ҳамда тумшуғини катта, иссиқ сўлакайи оқиб турган тили билан эркалаб ялаб-юлқай кетди».

В сравниваемых фрагментах оригинала и перевода можно было бы выделить несоответствия ещё, но рамки статьи не позволяют; об этом в другой раз.

АЙТМАТОВИАНА В НАМАНГАНЕ[47]

Я долгие годы на факультете русского языка и литературы вёл предмет «Литература народов СССР» (позже – СНГ). В плане этого курса я, в нарушение критерия равномерного распределения бюджета времени по национальным литературам, творчеству Чингиза Айтматова всегда уделял больше часов за счёт иных «официальных» классиков советской литературы. Я был твёрдо уверен, что такой риск оправдан. Более того, по моей инициативе был введён спецкурс «Идейно-эстетическое своеобразие произведений Чингиза Айтматова». Так я в течение нескольких лет имел возможность по двадцать часов в учебном году рассказывать о творчестве того, кого впоследствии назовут великим писателем.

В клубном формате художественного мира Ч.Айтматова мы впервые коснулись в 1991 году. Тогда я, будучи деканом факультета русского языка и литературы, на котором обучалось более тысячи юношей и девушек разных национальностей, организовал Клуб «Дружба народов». Мы планировали тогда ежемесячно проводить по одному мероприятию,

[47] Статья написана специально для сборника «Чингиз Айтматов в Намангане. Молодёжный анджуман». – Наманган: 2019.

посвящённые республикам бывшего Союза. Первое из них отнюдь не случайно было посвящено Киргизии – центральное место в программе заняло творчество моего любимого писателя Чингиза Айтматова. Хорошо помню сценку по повести «Материнское поле», которую играла наша студентка на киргизском языке.

К сожалению, клуб «Дружба народов» просуществовал недолго – сказались общественно-политические события…

1998 год. Я был уверен, что в связи с круглой датой Ч. Айтматова обязательно будут какие-нибудь указания сверху. Однако была тишина. Не только в нашей Республике, но и в России, и даже в Кыргызстане каких-либо сообщений по этому поводу я не помню. (Возможно, я не очень внимательно следил за событиями. Зато по московскому телевидению иногда можно было поймать сообщения типа: «Сегодня народный артист такой-то отмечает свое восьмидесятилетие в кругу близких друзей… » Может быть, Айтматов тоже тогда сам… решил так? Вполне возможно. (В мире не всё так просто, как нам иногда думается).

Спохватился я в самом конце года. Я тогда работал в должности директора Центра повышения квалификации и переподготовки преподавателей средних специальных учебных заведений при НамГУ. На кафедре русского языка и литературы имел только 0,5 ставки. Поэтому организовать юбилейное мероприятие было мне нелегко. Опираясь лишь на группы студентов отделения русского языка, а также английского языка, где в тот год я читал лекции по теории литературы, при поддержке ректора Т. Шамсибаева и проректора Н. Рахимова я всё же начал готовить вечер, посвящённый 70-летию со дня рождения писателя. Кое в чём помогло нам и областное отделение киргизского культурного центра. И состоялся вечер, посвящённый 70-летию Ч. Айтматова в областном театре имени Алишера Навоий 20 апреля 1999 года. На нём, кроме докладов (моего и студентки из отделения английского языка З. Ахмедовой) о творчестве писателя был показан подготовленный силами моих студентов

спектакль «Манкурт», главные роли в котором играли Виктория Щепанская и Ботыр Яндашев. В подготовке спектакля огромную помощь оказал нам главный режиссёр театра Залуженный деятель искусств Республики Узбекистан К. Юлдашев.

О мероприятии, проведённом нами в честь 70-летия Ч. Айтматова, мне хотелось бы сказать ешё много, потому что оно было, прежде всего, для меня самого, организатора, - большим нравственно-педагогическим уроком. Когда-нибудь и напишу об этом более подробно. Пока же в нескольких словах хочется сказать вот о чём:

Спустя несколько лет, из России приезжала в Наманган выпускница отделения английского языка нашего университета Ершова Ирина, участвовавшая в нашей юбилейно-айтматовской постановке «Манкурт». Она тогда специально зашла ко мне и буквально сказала следующее: «Я зашла к вам не просто поздороваться, повидаться. Я зашла, чтобы сказать: «Спасибо вам за Айтматова!» Знаете, я сейчас живу в России и работаю в СП вместе с американцами. Я с ними смогла найти общий язык благодаря именно Айтматову, он сблизил нас. Американцы все, оказывается, знают его творчество. И я в свое время благодаря вам, готовясь к 70-летию этого великого писателя, прочитала «Буранный полустанок» и ещё кое-что. Именно Айтматов сдружил меня с американцами! Мы часто с ними беседуем о его книгах».

К 80-летию Ч. Айтматова наш клуб "Заветная Лира" готовился заблаговременно и тщательно. Однако вследствие неожиданной смерти юбиляра мы были в растерянности, в шоке. Глубоко печальное для нас это событие внесло определенные коррективы в планы клуба, однако, не изменило решения в целом. Я подготовил и 25 декабря 2008 года провёл научную конференцию молодых литературоведов (одарённых студентов и магистрантов), посвященную Чингизу Айтматову.

В работе конференции приняли участие представители руководства областного отделения союза писателей, молодежного общественного

движения «Камолот», Наманганского государственного университета, представители СМИ. Были заслушаны доклады доцента К. Носирова, а также одаренных студентов и магистрантов факультета узбекского и русского языков, членов нашего клуба. (Девять из десяти из представленных на конференцию докладов, были выполнены под моим руководством).

Выступления молодых литературоведов подкупали слушателей если не глубокой научностью, то, во всяком случае, стремлением начинающих литературоведов самостоятельно придти к научным выводам, высказать свою точку зрения по поводу уже известного, предложить новую интерпретацию анализируемых произведений.

Выступившие на конференции с приветственными речами руководитель областного отделения союза писателей Узбекистана известный поэт З. Мансур и проректор НамГУ доцент М. Кадырханов отметили хороший научный уровень докладов и предложили издать материалы конференции в виде сборника.

И мы издали сборник статей одарённых студентов и магистрантов под названием **«Заветная Лира – Чингизу Айтматову».**

90-летие прославленного писателя, благодаря Высокому вниманию к этому вопросу со стороны самого Президента нашей страны, у нас в Намангане отмечалось при особом энтузиазме. В частности, ещё летом в школе № 1 г. Намангана участники кружка «Артист» под руководством Анны Раушановны Гареевой, выпускницы нашего факультета, осуществили постановку спектакля по повести «Материнское поле». На основе этой постановки творческая группа Наманганской телерадиокомпании под руководством Мухаммаджона Максудова сняла и показала фильм. Режиссёром-постановщиком фильма является Анастасия Лебедева, выпускница нашего факультета, и сегодня остающаяся активной участницей нашего клуба. Демонстрация фильма по Наманганскому

телевидению стала заметным событием в культурной жизни нашей области. Всё это, конечно же, отрадно.

Областные и районные газеты сообщали о различных мероприятиях, проводимых в учебных заведениях.

Университетское мероприятие мы готовили три с лишним месяца. В целях планомерности и целенаправленности действий, вначале в составе клуба "Заветная лира"организовали кружок "Белый пароход", из числа, в основном, студентов отделения русского языка и истории. Они и задавали тон на протяжении всех трёх месяцев. В результате, 12-13 декабря состоялся региональный молодёжный Анджуман "Чингиз Айтматов в Намангане": 12. XII. – торжественное собрание и спектакль (Две постановки по мотивам повести «Лицом к лицу» и романа «Плаха» под общим названием «Плач матери»); 13.XII. – «Круглый стол» по теме «Проблема добра и зла в произведениях Ч. Айтматова».

На «Круглом столе» выступали, в основном, как и планировалось, члены группы «Будущие критики», сложившейся в ходе подготовки к юбилею. Однако поначалу размеренный обмен мнениями между студентами неожиданно превратилась в дискуссию между преподавателями и «будущими критиками».

Необходимо сказать, что айтматовиана – это не только официальные публичные юбилейные мероприятия, театральные постановки. Нельзя не сказать здесь и о роли периодической печати в этом вопросе, о публикациях в газетах и журналах. В частности, мною лично за последние лет двадцать в различных журналах и газетах, в том числе и в республиканских, опубликовано более тридцати статей о творчестве Ч. Айтматова. Помнится, что в разные годы появлялись в печати сообщения, заметки и других авторов об Айтматове. Хорошо было бы в ближайшем будущем кому-либо из молодых, начинающих литературоведов заняться историей этого вопроса, исследовать его в историко-литературном плане. Мы в клубе «Заветная Лира» займёмся этим.

Можно назвать частью айтматовианы и выполнение нашими студентами выпускных квалификационных работ, а также магистерских диссертаций. До настоящего времени по творчеству Айтматова под моим руководством выполнено и защищено более тридцати выпускных квалификационных работ и три магистерские диссертации.

В завершение данной статьи хочется сказать, что уже 3 года как в учебных планах филологических направлений вузов нашей республики по непонятной причине не стало предмета «Литература народов стран СНГ» (в плане узбекской филологии – «Литература тюркоязычных народов»). И это в то время, когда лично сам Президент нашей страны предпринимает много позитивного по укреплению, расширению дружеских связей с соседними странами; а по Абаю Кунанбаеву и Ч. Айтматову приняты специальные Постановления. Не углубляясь в политический аспект данного вопроса, достаточно заметить: Нельзя представить себе историю литературы, культуры, в целом, Узбекистана без Абдурахмона Джоми, Абая Кунанбаева, Низамий Ганджави, Махтумкули, Чингиза Айтматова, Расула Гамзатова и других корифеев мировой литературы, представителей братских нам народов. Поэтому курс «Литература народов СНГ» необходимо срочно восстановить.

Помимо того, на мой взгляд, на филологических факультетах желательно ввести и специальный курс по творчеству Чингиза Айтматова. Это обогатит наш арсенал идейно-эстетических средств воздействия на своих воспитанников.

НЕТОЧНЫЕ ПЕРЕВОДЫ, ИЗВРАЩАЮЩИЕ СМЫСЛ ОРИГИНАЛА[48]

Вначале несколько слов о названии статьи.

Неточных переводов, не извращающих смысл оригинала, конечно же, не бывает. Но мы выражением, вынесенным в заголовок статьи, подчёркиваем мысль о том, что **извращение извращению рознь.** Те случаи извращения, на которые мы натолкнулись, очень серъёзны тем, что они попали в учебный материал, которым пользовались учащиеся при написании сочинений по объявленной нашим конкурсом тематике. Это могло стать причиной для возникновения у молодого поколения неправильного представления о месте Ч. Айтматова мировом литературном процессе.

Замысел настоящей статьи возник в результате предварительной обработки материалов (статей и сочинений студентов и учащихся), поступивших на конкурс, объявленный в рамках регионального Молодёжного анджумана "Чингиз Айтматов в Намангане", состоявшегося 12-13 декабря 2018 года в Наманганском государственном университете по инициативе молодёжного поэтического клуба "Заветная лира".

Дело в том, что учащиеся, т.е. авторы сочинений, выполненных на узбекском языке, в качестве эпиграфа использовали те или иные изречения выдающихся литераторов об Айтматове, в немалом количестве помещённые в развороте обложки нового издания сборника повестей киргизского писателя на узбекском языке.[49] Разумеется, это они сделали по рекомендации своих педагогов. В этом, конечно же, нет никакого греха. Грех в том, что при переводе некоторых из этих изречений с русского на узбекский профессионалами допущены серъёзные ошибки. А педагоги,

---

[48] Настоящая статья написана на основе доклада для республиканской научной конференции в Андижане «Научно-практические основы обучения языкам и литературе». В ней развивается один из тезисов из послесловия к сборнику «Чингиз Айтматов в Намангане. Молодёжный анджуман». –Наманган: 2019.

[49] Чингиз Айтматов. Танланган асарлар. –Тошкент: "Sharq" нашриёт-матбаа акциодорлик компанияси Бош тахририяти, 2018.

вслед за ними и ученики, без разбора, т.е. зачастую не вникая в суть текста, используют их. Однако кто-то может и вникнуть в суть перевода, точнее, неправильного перевода. В результате сложится певратное педставление о писателе. А у учащихся отношение к печатному слову самое доверительное. Всё, что написано, –для них истина высшей инстанции. Поэтому педагоги не должны закрывать глаза на очевидную ошибку. Остановимся на одном-двух примерах.

Так, авторы конкурсных сочинений на узбекском языке часто приводят следующее высказывание известного айтматововеда академика Р.Рахманалиева: *"Туркий дунё вакиллари ичидан Алишер Навоийдан кейин беш юз йил ўтиб, фақат Айтматовгина адабиёт чўққисига кўтарила олди"*. Это, без сомнения, неточный перевод, из которого вытекает мысль: Спустя 500 лет после Алишера Навои лишь Айтматову удалось подняться на такую высоту литературного процесса; киргизский писатель обогнал всех тюркоязычных братьев по перу. Естественно, такой перевод искажает в сознании юных читателей представление о месте Ч. Айтматова в истории мировой литературы. Может сложиться мнение об этом киргизском писателе как явлении, обособленном от других тюркоязычных литератур.

Кстати, сам Ч. Айтматов неоднократно в своих публицистических выступлениях подчёркивал мысль о том, что он тюркоязычный писатель, представитель мира тюркоязыной литературы, культуры.

Теперь обратимся к оригиналу высказывания Р. Рахманалиева: *"Тюркский мир, почти через 500 лет после Алишера Навои, являет всемирному литературному олимпу Чингиза Айтматова"*.[50]

Здесь содержится глубокая мысль: о том, что Алишер Навои и Ч. Айтматов – плоды одного древа литературы тюркского мира; о том, что киргизский писател сумел воплотить в своём творчестве весь историко-эстетический опыт общей для всех тюркоязычных народов литературы,

---

[50]Рахманалиев, Рустан. "Жизнь, равная вселенной". Философия творчества Чингиза Айтматова. / Чингиз Айтматов. Избранное в двух томах, т. 1. –М: 1998, с. 23.

что художественный опыт тюркоязычного мира явился для Ч.Айтматова стартовой площадкой, с которой он совершил взлёт на всемирный литературный олимп; о том, что Алишер Навои и Чингиз Айтматов есть редчайшие явления художественной мысли, которые рождаются один раз в полтысячелетия. Исходя из этого, на мой взгляд, правильней было бы перевести цитату из Р. Рахманалиева на узбекский язык следующим образом: *"Туркий дунё, Алишер Навоийдан сўнг 500 йил ўтиб, жаҳон адабиёти шоҳсупасига Чингиз Айтамовни кўтарди"*.

Не точен, на наш взгляд, в том вышеупомянутом развороте обложки и перевод давно уже ставшего крылатым выражением слов Луи Арагона: "Повесть Айтматова самая прекрасная повесть о любви" – "Жамила" жаҳондаги энг гўзал севги қиссаси". Нам думается, что у Арагона речь идёт о повести, о её красоте. Прилагательное-эпитет "прекрасная" относится к произведению, т.е. к тому, как написано оно, а не к теме его. В узбекском переводе этой цитаты логический акцент смещён с "повести" на "любовь", т.е. речь идёт о прекрасной любви, а не о прекрасном произведении.

Как мы уже подчёркивали выше, для учащегося авторитет печатного слова, да ещё и принадлежащего всемирно известному писателю, каким является Луи Арагон, непререкаем. Ученик, читатель повести "Джамиля", знакомый с оценкой французского переводчика через узбекский перевод, так и подумает: "Любовь Джамили – это прекрасно!" "Так и должно быть, так можно... " Мы должны остерегаться такой трактовки, такого толкования в молодёжной аудитории. Недаром всё ещё спорят по поводу "Джамили"...

При чтении сочинений и статей мы обратили внимание ещё на одну проблему перевода. Это – укоренившаяся в практике узбекского художественного перевода неправильная традиция, что можно было бы назвать обузбечиванием собственных имен из близкородственных языков. Например, киргизские имена *Данияр, Иляс, Асель, Кадича, Сеит, Садык,*

Байтемир благодаря нашему переводчику "благополучно" трансформировались в узбекские: *Дониёр, Илёс, Асал, Ҳадича, Саид, Содиқ, Бойтемир*. Правильно ли это? Какая разница? Разница – в национальном оттенке.

Дело в том, что читатель (учащийся) вместе с именем литературного героя в определённой степени воспринимает инонациональный дух. Иначе говоря, через имя в сознание читателя незаметно входит инонациональный образ. Поэтому переводчику следует быть предельно внимательным при воспроизведении в переводящем языке формы иноциональных имён, осторожно подбирать способы их пернедачи с одного языка на другой, по возможности нужно сохранять форму чужого имени. В противном случае, пострадает национальное своеобразие переводимого произведения. Следовательно, желательно сохранять правописание киргизских имён в переводе в форме, как можно близкой к оригиналу: Данияр, Иляс, Асел, Қадича, Сеит, Садик, Байтемир.

Иначе говоря, Дониёр – это узбекское имя, а герой Айтматова киргиз; Асель – киргизка, а Асал – узбечка, и т.д. В узбекском переводе киргизскую суть имени героини повести "Тополёк мой в красной косынке" выражает только форма "Асел", а не "Асал".

Можно ещё привести примеры неточного переложения на узбекский язык, мешающие формированию правильного представления о поэтике Чингиза Айтматова. В частности, немало удивления вызывает перевод строки-названия народной песни "Шёлковым платком помашу тебе"из повести "Джамиля" как „Шоҳи рўмолинг боғлаб, ёнимда юрсанг яйраб…". Это ни на что не похоже: ни на киргизское, ни на узбекское.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение..... 3

Манас Великий..... 5

Мелодия любви..... 9

Трагическая безысходность и добродетель..... 17

Заветы отцов – основа духовного воспитания ребёнка..... 20

Выдающийся писатель современности..... 27

Писатель-билингвист и проблема национальных традиций в публицистике Ч.Айтматова..... 31

О внесюжетных элементах повести Ч. Айтматова "Прощай, Гульсары". 34

Молитва как художественное средство..... 36

"Имандуу адам" Чингиза Айтматова..... 40

Мы, узбекистанцы, любим его, как своего писателя..... 50

Был большим другом узбекского народа..... 54

Своеобразный педагогический эксперимент..... 57

«Волчьи нежности» в узбекском переводе..... 63

Айтматовиана в Намангане..... 67

Неточные переводы, извращающие смысл оригинала..... 73

Для заметок

Лауреат международного Пушкинского конкурса Носиров Кодиржон родился в 1947 году. Он окончил факультет русского языка и литературы, кандидат педагогических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Наманганского госуниверситета, литературовед, переводчик, прозаик; является автором более 450 научно-популярных публикаций, в том числе более 20 научных и художественных книг.